

З ІСТОРІЇ РЕВОЛЮЦІЇ ТА ГРОМАДЯНСЬКОЇ ВІЙНИ В УКРАЇНІ

Ярослав Тинченко
(Київ)

ЛАНДСКНЕХТ БЕЗ СТРАХУ І ДОКОРУ: ВІЙСЬКОВА КАР'ЄРА ТА ДОЛЯ МИКОЛИ КАКУРИНА

У Державному архіві Служби безпеки України (далі – ДА СБУ) зберігається архівна кримінальна справа одного з колишніх командармів Червоної Армії, професора Військової академії імені Фрунзе Миколи Євгеновича Какуріна, заарештованого у червні 1930 року за так званою справою «Весна». Цю справу було зфабриковано ОГПУ навесні 1930 року з метою вичистити лави РСЧА від колишніх генералів та кадрових офіцерів царської армії. Слідство за справою «Весна» велося переважно у Харкові та Києві, тому частину слідчих справ з решти регіонів СРСР незабаром було передано до ГПУ УСРР, а у подальшому вони залишилися в архіві колишніх ГПУ-НКВД-КГБ УРСР. Так справа М. Є. Какуріна опинилася у Києві.

І досі не згасає інтерес до творчої спадщини Миколи Какуріна. Його ім'я знову привернуло до себе увагу завдяки перевиданню у 1990 р. тиражем 100 тисяч примірників двотомного дослідження «Как сражалась революция» (вперше вийшло друком у 1925-1926 рр.). Миколі Євгеновичу пощастило: його праця набула другого життя, повернулася до наукового обігу та увійшла до обов'язкового списку літератури багатьох вищих навчальних закладів. Разом із тим ми майже нічого не знаємо про роботи решти військових фахівців РСЧА. Їх наукова спадщина забута. Тому наголосимо, що Какурін — вчений був лише одним з представників радянської військової думки.

Але постать М. Какуріна цікава не тільки у зв'язку з його науковою діяльністю. Під час громадянської війни колишній полковник Какурін встиг змінити багато армій, в тому числі й дві українські. Свою службу в армії гетьмана Павла Скоропадського та в Українській Галицькій армії Микола Євгенович не приховував, однак особливо й не афішував. Зокрема, у жодному дослідженні він не відобразив власну військову діяльність у 1918-1919 рр. А у передмові до перевиданої праці «Как сражалась революция» упорядник О.П. Ненароков згадував про цей період життя Какуріна лише

побіжно. Проте виявилось, що цей та інші маловідомі фрагменти своєї біографії Микола Євгенович докладно висвітлив у власноручних свідченнях у серпні 1930 р. Тому ми й пропонуємо їх увазі читачів.

Офіційна біографія М. Какуріна до 1917 р. досить стисла, лаконічна та позбавлена якихось особливих службових досягнень. Народився він 4 вересня 1883 р. у м. Орлі у родині офіцера російської армії. Навчався в Житомирській гімназії та Михайлівському артилерійському училищі. Після отримання у 1904 р. погонів підпоручика служив у 30-й (Мінськ) та 18-й (Люблін) артилерійських бригадах. Саме звідси в 1907 р. Какурін вступив до Миколаївської військової академії Генерального штабу.

Для переважної більшості офіцерів російської армії шлях до успішної військової кар'єри лежав тільки через академію, її закінчення гарантувало отримання згодом генеральського звання та відповідного місця в армії. Але до академії було не тільки важко вступити, а й закінчити її за першим розрядом, що давало змогу бути зарахованим до Генерального штабу. Разом з М. Какуріним у 1907 р. до академії вступив і майбутній маршал Радянського Союзу Борис Михайлович Шапошніков, який залишив досить цікаві спогади про свій курс.

За даними Б. Шапошнікова, у 1907 р. до академії прагнуло вступити близько 300 офіцерів. Майже половина з них не пройшла через окружні іспити і в результаті до академії було прийнято лише 124 офіцери. За три роки навчання з академії відсіялось або не пройшло за балами до Генерального штабу ще 76 слухачів. Таким чином, у 1910 р. закінчили академію за 1-м розрядом всього 48 офіцерів¹.

Серед випускників 1910 р., крім Б. Шапошнікова та М. Какуріна, ще дев'ять офіцерів у подальшому пов'язали свою долю з Червоною Армією. Це, зокрема, майбутні начальники штабів Східного та Західного фронтів (відповідно В.Є. Гарф та М.В. Соллогуб), командарм С.Д. Харламов, працівники Польового штабу Революційної військової ради Республіки М.О. Сулейман та В.Л. Барановський. Але більшість генштабістів 1910 року випуску все ж таки потрапила до білих армій. Четверо з них (С.М. Самарін, В.П. Словицький, М.М. Зінкевич та В.І. Сидорін) під час громадянської війни стали білими генералами². Деякі випускники у подальшому стали польськими генералами, а деякі — воєначальниками Естонії (В.К. Баіов) і Латвії (П.К. Радзинь).

Товаришем М. Какуріна по академії був і майбутній український воєначальник Всеволод Миколайович Петрів. У 1919 р. він став військовим міністром Української Народної Республіки, а в 1941 р. виконував ту ж роль в уряді Ярослава Стецька. Курсовий офіцер М. Какуріна Микола Юнаків, тоді полковник Генерального штабу, також за часів громадянської війни пов'язав своє життя з Україною, став найстаршим генералом в армії УНР. До речі, у своїх спогадах Б. Шапошніков з найбільшою теплістю згадував з викладачів саме Юнаківа. Останній читав військову історію, належав до

групи прогресивних молодих викладачів. Можливо, його лекції в подальшому багато в чому допомогли й Какуріну, й Шапошнікову. Взагалі викладачами на курсі Какуріна були відомі військові світила того часу. Так, в останній рік навчання Миколи Євгеновича до академії перевівся і почав там викладати полковник Михайло Дмитрович Бонч-Бруєвич — майбутній перший радянський главком.

Заради історичної справедливості треба зазначити, що М. Какурін не виділявся на своєму курсі яскравими здібностями. З 48 офіцерів, що скінчили академію за 1-м розрядом, Какурін за своїми показниками був 46-м. Не належав він і до улюбленців курсу. Такими, за свідченнями згаданого вище командарма Сергія Харламова, були Борис Шапошніков та барон Петро Врангель. Обидва вони ворогували між собою та вважалися лідерами курсових компаній.

Незабаром закінчилося навчання у Миколаївській військовій академії і восени 1910 р. новоспечені генштабісти роз'їхалися по різних піхотних частинах відбувати обов'язковий дворічний ценз командирів рот. М. Какурін вирішив повернутися до міста свого дитинства, тому обрав для служби 17-й Архангелогородський піхотний полк, який дислокувався в Житомирі. Тоді ж для відбуття дворічного цензу командування 17-м полком до Житомира прибув полковник Антон Іванович Денікін. Отже, два роки М. Какурін служив під командуванням одного з майбутніх вождів білого руху.

У 1912 р. Какуріна було переведено на оперативну роботу та призначено старшим ад'ютантом (начальником оперативного відділу) штабу 5-ї піхотної дивізії. Штаб цей також знаходився в Житомирі. Завдяки цьому Миколі Євгеновичу вдалося ще на деякий час залишитися в улюбленому місті.

Влітку 1914 р. почалася Перша світова війна. Згідно із стратегічним розгортанням армії Какурін отримав посаду обер-офіцера для доручень штабу 10-го армійського корпусу. Але в цьому корпусі він затримався недовго. Незабаром його призначили старшим ад'ютантом штабу облоги фортеці Перемишль. Після захоплення цієї фортеці (22 березня 1915 р.) Какурін залишився в її штабі та вже невдовзі захищав Перемишль від німецьких та австрійських військ.

Стрімкий весняний наступ супротивника в 1915 р. змусив російське командування 3 червня залишити Перемишль, але в цьому, мабуть, не було вини штабу фортеці. Про це свідчило підвищення Какуріна до звання підполковника та призначення його начальником штабу 71-ї піхотної дивізії. Це з'єднання російської армії на початку війни було розгорнуто на території сучасної Дніпропетровщині. Переважну більшість вояків дивізії становили українці.

71-а дивізія боролася з австрійцями на Волині, здобувши високу оцінку як російських воєначальників, так і генералів супротивника. Історик російської армії Антон Керсновський писав: «Превосходная 34-я пехотная

дивизия того же 7 корпусу образовала превосходную же 71-ю генерала Десино, отличившуюся в составе 30 армейского корпуса сперва в Днестровском сражении в апреле 1915 года, а осенью на Волыни, где 282-й Александрийский полк (всю войну особенно отличившийся) взял знамя. Дивизия имела славные дела на Стоходе в Брусиловское наступление (где отличился полковник Концеров с 283-м пехотным Павлоградским полком), а в августе 1917 года поголовно легла в тучах немецкого газа под Марашештами в Румынии, остановив армию Макензена и тем героически закончив свое существование»³. Таку високу оцінку 71-а піхотна дивізія здобула не без участі свого начальника штабу М. Какуріна, який залишався на своїй посаді протягом восьми місяців.

У серпні 1916 р. за власним бажанням Какурін перевівся до Персії (сучасний Іран), де знаходився окремий експедиційний корпус російської армії. Згідно з довоєнними домовленостями у разі світової війни Росія мала право окупувати північ Ірану, Великобританія — південь, з виходом до Перської затоки. Саме тому в 1914 р. перші союзницькі частини вступили до Персії. Вони вели боротьбу з турецькими військами та німецькими розвідниками, що швидко заповнили прикордонні території Микола Євгенович був призначений до козацького корпусу генерала князя Баратова на посаду начальника штабу 3-ї Забайкальської бригади, яка складалася з 3-го Аргунського та 3-го Верхньоудинського козацьких полків.

Саме з цього моменту й починається докладне оповідання Какуріним свого життєвого шляху під час допитів у серпні-вересні 1930 р. Тому зупинятися на них ми не будемо. Зазначимо лише деякі нюанси, про які він чомусь не розповів.

По-перше, як свідчить «Список лиц с высшим военным образованием РИСКА», 27 листопада 1917 р. Какуріна було призначено командиром 7-го Кавказького стрілецького полку⁴. Цей полк діяв на річці Євфрат проти турецьких частин. Ймовірно, Какурін так ніколи і не побачив полку, оскільки не зміг повернутися до Персії.

По-друге, треба підкреслити, що зображення Какуріним своєї незначної ролі в українському Генеральному штабі не є навмисним. Дійсно, у 1918 р. Микола Євгенович в українській армії був мало помітною постаттю. Можливо, у подальшій літературі про українське військо його б навіть і не згадали, якщо б він не став знаним воєначальником РСЧА.

Нарешті, Какурін досить мало розповів про свою діяльність в Українській Галицькій армії в травні 1919 р. Це прикро, оскільки саме в цей час Микола Євгенович досить багато допомагав командарму УГА Михайлові Омеляновичу Павленку. Командарм збирався відбити в поляків нафтовий басейн у Східній Галичині, для чого створив окрему групу на чолі з полковником Какуріним. Планам цим не судилося збутися. Отже, окрема група Какуріна так і не зіграла своєї ролі⁵.

Решту ж свідчень про службу в Українській Галицькій та Червоній

арміях М. Какурін подав без жодних зауважень, а тому вони не потребують коментарів. Загалом же за часів громадянської війни перед тим, як потрапити до РСЧА, Какурін встиг прослужити на різних штабних посадах у чотирьох арміях Центральної Ради, гетьмана П. Скоропадського, Галицькій та білогвардійській Добровольчій (йдеться про той період, коли УГА цілком перейшла до білогвардійців). Таким чином, ми маємо всі підстави назвати його ландскнехтом, але найманцем не за страх, а за совість.

ДОКУМЕНТИ З АРХІВНОЇ КРИМІНАЛЬНОЇ СПРАВИ М.С. КАКУРИНА

(ДА СБУ. — Спр. 67093-ФП. — Т. 54. — Арк. 18-22 зв., 24-27 зв., 29-32 зв., 34-38, 40-43. Рукопис на бланку. Оригінал)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1930 г. Августа мес. 20 дня, я Помнач. 1-го Отд. Особого Отдела ОГПУ Мельцер Николай Иосифович допрашивал в качестве обвиняемого гражданина Какурина Николая Евгеньевича и на первоначально предложенные вопросы он показал, что его

1. Фамилия Какурин
2. Имя, отчество Николай Евгеньевич
3. Возраст (год рождения) 46 лет (1883 г.)
4. Происхождение (откуда родом, кто родители, национальность, гражданство или подданство) русский, из г. Орла, сын полковника Генштаба Какурина Евгения Николаевича, русского подданства
5. Местожителство (постоянное, последнее) Москва, Воздвиженка, № 6, кв. 15
6. Род занятий (последнее место службы и должность) Военная Академия РККА, преподаватель по кафедре Истории Гражданской Войны
7. Семейное положение (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса, род занятий до революции и последнее время) женат, жена Эльвира Леопольдовна 50 лет, дети — дочь Анна 19 лет и Анастасия 15 лет
8. Имущественное положение (до и после революции допрашиваемого и его родственников) жил на жалованье, отец имел дом в Киеве до революции
9. Образовательный ценз (первонач. образование, средняя школа, высшая, специальн., где, когда и т.д.) Академия Генштаба 1910 г., до этого гимназия, Михайловское артиллерийское училище

[...]

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА *

На персидский фронт я попал в августе месяце 1916 г. по собственному желанию, переведясь с Юго-Западного фронта мировой войны. Принял должность начальника штаба 3-ей Забайкальской Каз. бригады, совмещавшейся оперативно с должностью начальника штаба Урмийского отряда. Никаких особенно достопримечательных событий за это время со мной не происходило. Участок фронта был глухой и в боевом и в географическом отношениях. Кроме прямых своих обязанностей по должности начальника штаба, я участвовал в нескольких экспедициях в горы, проникал иногда довольно далеко, составил описание маршрута одного похода на Амадию, но он был отправлен в штаб армии. На следы немецкой разведки в нашем районе я не натыкался, но слышал, что германское влияние имело место преимущественно на юге Персии. (Направление Тегеран – Хамадан).

В политическом отношении я тогда, как представляю себе ныне, мог бы быть отнесен к числу либералов-демократов, т.е. я считал, что царизм в лице своих последних представителей обветшал и исторически себя отжил, что смена одной фигуры другой вроде, например, одного Романова другой, тогда мыслилось, что если уже менять власть, то менять не царей, а переходить на форму либо очень ограниченной монархии, а возможно и республики. Февральскую революцию 1917 г. я встретил при путешествии в отпуск из Урмии в Киев.

Вернулся по окончании отпуска на фронт, где уже застал организованные комитеты; в верхах комитетов имели голос в самом начале кадеты, а в низовых, как я теперь себе уясняю, сильны были соглашатели, иногда с националистическим уклоном (в составе корпуса были армянские и грузинские части). Фронт и в политическом отношении был глухой, разбросанный, поэтому отзвуки событий докатывались до нас глухо и с

Микола Євгенович Какурін на персидському фронті (1916-1917 рр.)

* Протокол допроса должен заканчиваться словами: записано с моих слов верно, прочитано; подпись допрашиваемого и подпись допрашивавшего.

запозданием. Вообще фронт был из спокойных. О большевиках тогда у нас совсем было мало слышно. Рисовали их какими-то странными людьми, стремящимися, не взирая ни на что, перевернуть все вверх дном, а главное закончить войну. Вот это-то им в разговорах и вменяли, главным образом, в вину. Я, помнится, в разговоре с кем-то сказал: не такие уж глупые люди, когда хотят кончить войну, если фронт совсем разваливается.

Как я уже сказал, у нас одно время — в корпусном комитете сильны были к.д. По крайней мере, председатель его доктор Лазарев⁶ был кадет. Пошло в моду записываться в эту партию Я воздержался. Мне думалось тогда, что партия эта уже не является выразительницей истинных народных чаяний и только воображает, что народные массы, вместе с нею пойдут в Учредительном Собрании, что как-то и сказал Лазареву.

Перемены, особенно в моем личном положении, при Революции не произошло. У меня всегда были хорошие отношения с солдатами, к которым я всегда относился ровно, заботливо, а главное законно; таковыми же они остались и после. Также хороши были и мои отношения с Комитетами, хотя я никогда и нигде не лез с воплями и доказательствами своей преданности и т.д., считая, что человека лучше видно по делам, чем по словам. Продолжал свои экспедиции, причем, будучи любителем тогда военного дела и стремясь изучить его всесторонне, совершил несколько походов с местными партизанами. Вообще в тот период времени интересы военного дела в его разнообразных и практическо-боевых проявлениях поглощали во мне все остальное, да и фронт, как я сказал (имея в виду его персидский участок) был очень глухой.

В начале октября месяца 1917 г. я уехал в отпуск в Киев, где тогда жила моя семья. Октябрьская революция 1917г. застала меня тотчас по прибытии в Киев. Тут происходил пестрый калейдоскоп всевозможнейших событий, главным образом политических. Со всех сторон в Киев стекались остатки и осколки бывших фронтов мировой войны и солдаты (последние на пути домой) и офицеры (часть территориально связанная с ним).

Я первое время ходил, как в тумане. Также ходили и некоторые сослуживцы. Помню однажды один из них пригласил собраться у него на квартире обменяться мнениями и потолковать. Пошел. Собралось человек 10. Пришел генерал Абрам Драгомиров⁷. Говорил о верности обязательствам к Антанте, о необходимости восстановить фронт и продолжать войну до победного конца, о том, что с Дона должно прийти спасение в лице добровольческой армии и т.д. Мне не понравилось все это. Тогда уже до очевидности ясно у меня было, что этого-то, т.е. до войны в союзе с Антантой до победного конца, русский народ как раз и не хочет, а, значит, из кого-же будет состоять армия — преимущественно из офицеров; значит, нечто кастовое. А отсюда вспоминалась история армии Кондэ первой французской революции и ее судьба. На этом деле решил поставить крест.

Отпуск кончался, а отовсюду шли сведения о продолжающихся разва-

лах всех остальных фронтов, в том числе и Кавказского. Куда делась моя бригада, узнать было трудно. А ехать в темную не хотелось. Узнал, что есть в Киеве какой-то комиссар Казачьих войск, пошел туда, просил прикомандироваться временно, чтобы не оказаться нетчиком или дезертиром. Согласились, но никаких особенных дел ни я с ними, ни они со мной не имели. Потом, если память не изменяет, и этот общеказачий комиссариат распался, а часть его вошла в Сибирский; там я тоже болтался сбоку и около, пока не пришли Советские войска. Тогда и этот разбежался, кто куда.

Во время бомбардировки Киева отсиживался дома в штатском, потом зашел во дворец (через несколько дней), там мне кто-то поставил на моем удостоверении визу, подписал ее, если не ошибаюсь, Чудновский ⁸ и три-четыре недели пребывания красных в Киеве прожил спокойно на штатском положении.

Не скрою, что приход армии Муравьева ⁹ в Киев и ряд стихийных эксцессов, имевших там место, внушили мне большой страх к большевикам и на время уничтожили желание ближе познать их. Думалось, что это разбушевавшаяся стихия, в некоторых своих проявлениях могущая внушить отвращение. Надо сказать, что главным образом пришлось наблюдать фронтную массу, а не действительно пролетарские отряды, равным образом ни с кем из руководителей массы встретиться не приходилось.

Да и события продолжали развиваться с частотой чрезвычайной. Не успели улечься первые впечатления и переживания отмены власти, тут уже идет волна германской оккупации, перехлестнула через Киев и покатилась дальше. Русские советские войска уходят, украинские дерутся где-то далеко, а вскоре и о них нечего не слышать, о России, большевиках слухи самые темные и нелепые, ужас на ужасе, говорят, что одному бывшему офицеру через полосу военных действий никак не проскочить, да, признаюсь, не тянуло тогда, и страх перед большевиками был и территориально был привязан к Киеву (семья), а ни на Дон, ни к добровольцам твердо решил носу не совать.

Политическое развитие шло у меня постепенно, как я уже сказал, начал думать, что украинское движение в оформлении и возглавлении тогда рады и представляет какое-то народное движение. Правда, рада выбросила лозунг самостийности, но мыслилось, что в конце концов этот лозунг отживет, как одно из конъюнктурных исторических явлений, мыслилось, что и Советская Россия как-то трансформируется — возникнет из всего хаоса какая-то общая демократическая власть. Поэтому, когда мне предложили А.В. Сливинский ¹⁰ (которого я до этого времени не знал) и подполковник Румянцев ¹¹ вступить на службу, я не отказался, при условии, что работать буду не на боевом или оперативном фронте, а на такой работе, которая избавит меня от необходимости участвовать в войне между братскими народами, к которой тогда у меня было сильное отвращение еще даже подсознательное.

Было и другое соображение. Мыслилось, что при отказе всех от службы, насадят туда немцев и тогда уже слияние двух братских ветвей пойдет труднее, а здесь, при условии, что мы займем места на службе, быть может, косвенно мы будем служить будущему объединению различных кусков некогда общего тела и, быть может, этот процесс пойдет глаже. Но повторяю, что все это рисовалось как-бы в тумане тогда. Я считал лично, что для России вообще особого вреда от этой работы, а именно на должности 2-го квартирмейстера, которую мне дали, быть не может, так как никакой организации украинской армии украинскими или русскими руками немцы все равно сделать бы не позволили, а поэтому творчество штатов будущих частей, разработка их будущей дислокации, перевод и сочинение уставов, списки ген. штаба и пр. — все это носило формы довольно невинного бумажного творчества.

Наконец, было и третье — просто хотелось отсидеться на месте, разобратся в обстановке. Я не исключал, конечно, трудностей: придется делать известный компромисс, в виде некоторого, быть может, контакта с немцами, но иного выхода не было. Ведь, если бы я не пошел, могла быть и просто альтернатива, что меня выгнали бы куда-нибудь из Киева. Этот мотив, конечно, тогда при мало развитом политическом сознании, конечно, где-то в подсознании давал себя очевидно знать. Итак, я начал работу в этом штабе, организуя, главным образом, само управление. Вся работа оперативная (оперативный контакт с немцами, вопросы их размещения, руководство маленькими украинскими отрядами, войсковая разведка) проходили по первому управлению и по директивам Сливинского. В конце апреля или в самых первых днях мая, точно не помню, — происходит гетманский переворот; возник он как по мановению волшебной палочки в один день.

Я должен оговориться, что в то время это будущее восстановление целостности государственной территории представлялось мне еще и не в формах Советской, но отнюдь и не в формах белогвардейской России и не в виде какой-либо хотя бы ограниченной монархии, а в виде демократического объединения федеративных и автономных республик и областей, значит, самостийная Украина была одна из переходных форм к этому, т.е. тогда опять-таки федеративность я понимал в ограниченном смысле учета особенностей и национально-культурных пожеланий населяющих Россию народов.

Гетманский переворот совершился быстротечно, прошел вне нас. Фигура Скоропадского, ясно было для меня, это только кукла в руках германцев и высших кругов помещиков, промышленников, пытавшихся найти опору в некоторых слоях деревни. В военно-организационном отношении он отразился в том, что возник какой-то высший орган в виде гетманского штаба; он явился органом, если так можно выразиться, военно-политическим, а украинский ген. штаб остался как бы на втором плане. Был к нему прикомандирован офицер германского ген. штаба майор Маковский; его

роль по аналогии можно было сравнить с ролью ну что-ли комиссара от немцев при нас. Он очень хорошо говорил по-русски. Ему показывались всякие проекты и положения — вроде, например, положения об украинском генеральном штабе и правах и обязанностях его начальника или проекта будущего устава воинской повинности.

Собственно, это и были наших две главных работы, потому что, как вскоре выяснилось, единственно, на что пошли немцы — это на разрешение держать небольшие офицерские кадры для будущих полков, а ни о каком наборе в широком смысле этого слова они и не думали; осенью позволили сформировать хлебобобам гетманскую сердюцкую дивизию, но она после нескольких боев с войсками директории либо перешла на их сторону, либо разбежалась, а сформированные в Австро-Венгрии и Германии из военнопленных мировой войны бригады «синезупанников» и «серозупанников» пришлось расформировать самим же немцам тотчас по их прибытии на Украину.

Точно не припомню, когда в конце-ли апреля или начале мая, Сливинский сделал меня своим помощником, оставив за мной лишь общий надзор за: управлением 2-го ген. квартирмейстера, на какую-то должность был назначен А.И. Прохорович¹². На меня главным образом выпала задача вести переговоры с немецкой военной комиссией по разделу имущества разного рода, оставшегося от старой армии на территории Украины. Были германские и украинские члены. Здесь мне пришлось гораздо чаще встречаться с Маковским, а равно и с германскими офицерами; некоторые из них бывали у Сливинского на некоторых вечеринках. Приходилось бывать и мне.

Скажу по совести, что немцы меня интересовали по многим причинам. Во-первых, мне всегда нравилась германская военная доктрина. Еще до мировой войны я старательно изучал ее. Мне в общении с германцами хотелось выявить себе, в какой стороне их военной или индивидуальной организации кроется секрет их побед. Маковский был очень мил и любезен и часто разговаривал со мною, как мне казалось, откровенно, например, о будущем Украины, самостийной, в которую вера его начинала, по-видимому, колебаться. Очевидно, он хотел создать себе круг определенно симпатизирующих в украинском генеральном штабе лиц, к числу каких причислял и меня.

Я повторяю, что немцы мне нравились, как отличные солдаты, у которых можно и должно было многому научиться, а кроме того, всегда ведь ценишь противника, которым бываешь бит. Собственно, Маковским и ограничился круг более близких моих знакомств с немцами, под осень появился в штабе на ролях помощника Маковского некий капитан Лилиенфельд, на вечеринках у Сливинского заставлял я еще нескольких офицеров, но фамилий их не помню, ибо встречи носили чисто эпизодический характер; равным образом не помню и фамилий тех

нескольких немецких майоров, участвовавших в комиссии.

Заседания комиссии затянулись на лето (с перерывами) и до осени. Но примерно в конце сентября я заболел испанкой. Она повторилась и я месяца на полтора до начала ноября выбыл, так сказать, из строя. За этот период времени никакой новой особенной эволюции в моем мировоззрении политическом не произошло, если не считать, пожалуй, большего растворения угла зрения в том отношении, что поднявшаяся волна крестьянских восстаний (непосредственно мне с ними дела иметь не пришлось) заставила меня впервые, но, правда, мельком задуматься: что не все-то ладно и очевидно, что и немцы не всемогущи и одними военными мерами тут ничего не поделаешь.

Но скажу прямо, что в тот момент глубоко об этом я не думал, а считал, что уже чересчур, понемногу правительство Кистяковского¹³ начинает класть руль направо. Но конкретных выводов у меня тогда еще, повторяю, не сложилось, — иначе мои взгляды оставались те же, что и были, т.е. какой-то новый период и новая форма власти придут, а все, что мы теперь переживаем — временные и переходные формы, но об их распространении советской власти я тогда еще совершенно не думал.

Н. Какурин

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОТ 20 АВГУСТА 1930 г.

(продолжение)

Продолжаю свои показания: когда я выздоровел от болезни в начале ноября месяца, то по прибытии моем в штаб почувствовалась общая перемена обстановки, как-бы накануне большого перелома. Немецкий фронт трещал, чего не могли уже скрывать и сами немцы; на Украине с одной стороны чувствовалось какое-то глухое внутреннее клокотание каких-то революционных сил, говорилось о союзе освобождения Украины, который стал в прямую оппозицию гетманскому правительству, а за ним вставали в смутных абрисах еще какие-то новые силы, которые чувствовались, а с другой стороны происходило уклонение вправо гетманского правительства, которое, по-видимому, спешило так или иначе размежеваться с немцами и стать на рельсы новой ориентации.

Узнал я, что во время моей болезни было уже свидание гетмана с Красновым¹⁴, поговаривали о курсе на единую Россию и вообще было много ожиданий каких-то больших перемен. Разразилась сначала австрийская революция, вызвавшая удивительно быстрое распадение австрийских оккупационных войск, а затем германская.

Дальше события пошли с чрезвычайной быстротой и примерно в следующем порядке: последовал приказ гетмана, по существу ставящий крест на самостоятельности Украины, а затем было приказано собраться в штабе и вдруг начал он наполняться обильно генералами в русской форме и

какими-то штатскими. Наконец, появился Келлер ¹⁵ и объявил, что по поручению гетмана он вступает в командование украинскими войсками. Я весьма удивился. При общем отношении народа к идее добровольческой армии и всему, что было связано с ней, при только что полученных сведениях об открытом выступлении уже частей «союза освобождения» в виде сечевых стрельцов в Белой Церкви — это значило прямо лить масло в огонь. Одному из сослуживцев я сказал, что неужели такое большое число лиц одержимо безумием и на что они надеются? — он только пожал плечами.

На утро штаб уже заполнился представителями «дружин» Келлера и Кирпичева ¹⁶, у дверей стояли их часовые, под Киевом шла перестрелка, происходила министерская чехарда и вообще какая-то полная сумятица. Многие служащие штаба спешили надеть русские погоны. Сливинский сделался кем-то при Келлере, но никакой ответственной роли там не получил, на его месте появился некий ген. Шуберский ¹⁷. Меня не тронули, хотя я погон не одевал новых, но и задачи мои теперь свелись только к посещению штаба и руководству опять вторым квартирмейстерством, продолжавшим свою текущую канцелярскую работу. Келлер имел свой собственный штаб. Этим я был очень доволен, так как в дружинах Келлера и Кирпичева я сразу же увидел второе издание той же самой добровольческой армии, да и издание-то плохое.

Зашел я к Прохоровичу, он на месте помощника военного министра уже состоял и так как он не меня производил впечатление порядочного человека, то говорил ему о безумии всей затеи. Он говорит, пожалуй и так, да офицеров-то этих куда деть. После узнал, что новая власть на меня смотрела косовато и подозрительно. Поскольку я еще не вполне оправился от болезни, воспользовался этим и заболел. Дальнейших событий был очевидцем, почему-то Келлера сменил Долгорукий ¹⁸, выступали немцы на поддержку гетмана, потом отказались, кольцо вокруг Киева все сжималось и наконец в один прекрасный день новая метаморфоза: в Киеве оказалась украинская директория и ее войска.

Двенадцать лет тому назад и в условиях моего тогдашнего мировоззрения мне обстановка и положение представились так: вот пришла украинская директория, верхушка ее разбавлена и состоит из деятелей рады, но есть и какие-то иные силы за него, по-видимому, она ведет за собой уже значительные силы деревни и, по-видимому, хочет не повторять в точности политику рады, так как заговорили и о радикальных социальных реформах и о посылке Мазуренко ¹⁹ в Москву. Думалось, что теперь будет сказано какое-то новое и решительное слово.

Пригласили меня в штаб. Там были почти все новые лица. Некоторые из низших и средних или державшихся в тени чинов стали теперь фигурами. Говорят, мы знаем, что вы работать можете и умеете, от добровольцев во время из засилия держались в стороне, никого не выдавали, никому не

вредили из нас, так вот выбирайте себе фронт, на каком хотите сражаться. Тут была дилемма: хотя Мазуренко в Москву и посылался, но против большевиков все-таки образовывался фронт, а противодонский фронт у них было нечто расплывчатое, да в процессе борьбы эти фронты ведь все-равно бы и перемешались.

Не скажу, что и тогда я был советски настроен в том смысле, что отчетливо уже пришел к убеждению, что единая истинная власть есть советская, но я, как уже говорил, войны братоубийственной хотел избежать. Остаться вообще в Киеве не у дел не было смысла: был все равно объявлен призыв всех военных, особенно специалистов да их как раз и мало до чрезвычайности осталось, ибо очень и очень многие себя скомпрометировали с Келлером и Кирпичевым.

Я выбрал противополольский фронт, который главным образом состоял из галицкой армии, так как Галичина объявила свою независимость тотчас после австрийской революции и частично этот фронт на своем правом фланге, на Волыни, должен был состоять из украинских войск. Поступая так, я считал, что этим своим действием я не приношу вреда ни будущим Украине и России, когда окончательно оформятся их отношения, потому что, мыслилось мне, им все равно придется бороться с экспансией Польши на восток; толкали меня на этот шаг мои тогдашние патриотические побуждения.

Кроме того, мне мыслилось, что Галичина, со временем, ходом истории будет приведена в единое русло будущей России. В конце декабря месяца 1918 г. я был уже в штабе фронта; там я числился помощником начальника штаба, но фактически на меня выпала должность по существу начальника полевого штаба, так как пришлось мне все время разъезжать с командующим Шаповалом²⁰ по частям его фронта и он был довольно обширен, учитывая, что правое крыло растянулось по Западной Волыни почти до Полесских болот.

На Владимир-Волынском направлении действовали украинские войска некоего атамана Оскилко²¹, плохие, но боеспособные. Галицкая армия стремилась сохранить свое лицо и не смешиваться с украинскими частями (ее не следует смешивать с корпусом сечевых стрельцов Коновальца²², который только комплектовался главным образом галичанами добровольцами, но сражался на правобережной Украине на противобольшевистском фронте). На Галицком же участке центром внимания и галичан и нашего явился Львов.

Не буду останавливаться на военной и оперативной стороне; скажу только, что мне удалось дать несколько советов, которые оказались полезными, хотя Львова мы и не взяли. За чисто боевой работой и разъездами вся политическая сторона и все, что не касалось нашего собственно фронта, отошло как-то на задний план. Но постепенно украинский восточный фронт тылом своим под натиском красных оседал на нас.

Совершенно мимо меня прошли все сдвиги в ориентациях директории, украинский трудовой конгресс и пр., более заметно было на нашем фронте провозглашение унии Галиции и Украины. Заметным оказалось это в том смысле, что украинское командование стало требовать от галичан помощи войсковыми частями, а те же в свою очередь всячески против этого боролись.

Шаповал при очередной многократной смене военных и всяких министров попал в министры: взял меня с собою, приехали в Винницу, где тогда пребывала директория и различные штабы различных атаманов. Роль моя свелась к состоянию при министре и к выполнению разной переписки, очень, правда, несложной, по разным мелким вопросам, ибо крупной и не могло возникнуть из-за постоянных метаний в вагонах с места на место, сутки-двое постоим и катим дальше опять к Збручу, а министры все заседают и совещаются, тут уже решительно некогда и не о чем было думать, но с некоторыми из небольших деятелей украинских политических из разных информационных бюро приходилось говорить: спрашивал, чем объясняете, что войска разбегаются, а народ точно в стороне стоит, а галичане очень упорно и стойко дерутся с поляками? — толковали разное, но больше все сходились на том, что народ напуган Антантой, как бы она опять не повернула на старое и не заставила воевать с немцами.

Однажды Шаповал заявил, что едет с миссией из нескольких министров в Одессу, что этой миссии поручено выявить — что же такое Антанта по существу и чем же она может помочь. Поехали через Румынию чуть ли не в запломбированном вагоне, во всяком случае, под усиленным досмотром, от Тирасполя поехали в Одессу на автомобилях. На ст. Раздельной мельком видел какие-то французские войска, приехали в Одессу утром не то 4-го, не то 5-го, хорошенько теперь не помню, апреля. Министры ушли к командованию, я оставался в гостинице, а тут со всех сторон пошли сведения, что уже со всех сторон к городу подходят большевики и что объявлена эвакуация франко-греческих войск.

Министры вернулись поздно и расстроены. На Рыбницком направлении держались тылом к Днестру еще какие-то части, спрашивают меня, что можно ли оборонять этими силами Одессу. Говорю, нужно перебросить эти силы к Одессе, успеть найти для этого время, нужно обеспечить их фланги, ибо Одесса не крепость, нужно довольствоваться и снабжать их и успеть организовать оборону, а противник, как говорят, да сами видите, на носу, ничего не выйдет. Решили поскорее обратиться из Одессы.

На утро ходили за пропуском во французское командование, а затем отправились уже через Овидиополь и Румынию обратно, провезли через нее быстро и тогда, когда мы очутились в Галиции, узнали, что за эти 10-15 дней произошел ряд новых событий: уже министерство не то, а новое, что восточного фронта уже почти нет, что он на линии почти Збруча оказался и что лишь галицкая армия держит свой фронт против поляков.

Все это мотание и метание меня, признаться сказать, совершенно разочаровало в отношении всеукраинской власти, как именовала себя директория, я увидел, что под ней нет никаких прочных оснований, а развал войск нельзя объяснить случайными причинами, я тогда окончательно ушел в галицкую армию. Меня назначили в 3-ий галицкий корпус в Стрый, он держал фронт на Перемышльском направлении, я приехал туда в распоряжение комкора и попал как раз в момент отхода его под начавшимся натиском первых эшелонов армии Галлера²³, я выполнил несколько боевых поручений.

Отходили в очень трудных условиях, когда отход приостановился, был назначен начальником штаба 4-го корпуса, который надо было сформировать из разных тыловых и заштатных команд и запасных частей. Сформировались наспех, вновь перешли в наступление, имели несколько удачных боев, дошли почти до Стрыя, вновь были потеснены свежими резервами противника, отошли на Збруч, стоя фронтом на Запад, а Петлюровские части в это время несколько продвинулись от Збруча к востоку на Винницком направлении, пользуясь ослаблением красных сил на правобережной Украине; узнали, что за спиной галичан Петлюра, который теперь играл первую скрипку, заключил соглашение с поляками, признав за ними права на Галичину; это всех возмутило; многие из галицких работников говорили: «Лучше тонуть в русском море, чем в польском болоте» — таким образом как бы намечался тот путь, который мне мыслился, когда я ехал на этот фронт: Галичина стремилась повернуться лицом к России.

В конце концов, в один из июльских дней мы совершили исход из Галичины и оказались на восточном берегу Збруча на кусочке территории, где властвовало правительство Петлюры. Галицкая армия со всеми многочисленными беженцам насчитывала до 40 тысяч ртов, но бойцов едва ли набиралось больше 15-20 тысяч. Все были измотаны и издерганы до невозможности и нуждались прежде всего в отдыхе и восстановлении сил.

Наш 4-ый корпус расформировали на укомплектование других частей. Я оставался свободным, но на службу Петлюры не пошел, хотя были предложения: во-первых ни веры, ни уважения к директории не было, а акт вероломства Петлюры глубоко претил; галичане же ко мне относились очень хорошо; остался у них в резерве, уехал в деревеньку в 15 км от Каменца и там решил только отдыхать от всех передрыг. Там впервые взялся за литературные опыты, начал собирать материал и хотел написать историю галицкой кампании. Так провел остаток лета в полном уединении, ничего достопримечательного об этом периоде не могу сказать.

Настала осень, по-прежнему жил не у дел. Переехал лишь в конце примерно октября в Каменец. Украинское правительство заставило-таки выдвинуть часть галицких сил на фронт и против большевиков и против добровольцев. Но тут с галицким солдатом произошла метаморфоза: насколько хорошо и сознательно дрался против поляков, настолько он дейст-

вовал плохо и вяло на Украине. Как мне казалось, это происходило от того, что он просто не хотел драться с русскими, не разбираясь, кто они — красные или белые, а может быть тут играла роль и просто усталость.

Однажды собирают всех галицких старшин на квартире главы галицкого правительства Петрушевича и он объявляет, что сейчас у него имеются сведения, что Петлюра согласился с поляками об уступке им всего того пространства, на котором стоят тылы галичан (Каменец, Проскуров и т.д.), что скоро уже предстоит вступление поляков, что он с правительством уезжает на основании данного ему разрешения через Румынию в Европу, чтобы там хлопотать перед Антантой за Галичину, а армии приказывает идти на восток и искать соглашения с русскими силами, очевидно, разумея под ними добровольческую армию, потому что последняя в это время сильно надвинулась на Галицкую, стоявшую в районе Винницы, и последняя никуда и сдвинуться не могла, ибо почти повально болела тифом.

Мне предложили, если хочу ехать с ними, т.е. с Петрушевичем, то взять меня с собой. Я решил, что это значит уйти в эмиграцию и в момент, когда армия, в которой как-никак я нашел себе и пристанище и ласковую встречу, будет переживать наверное самые трудные для себя минуты. Я отказался, но и в Каменце мне сидеть нельзя было. Я знал, что поляки во время первого своего занятия Тернополя разыскивали уже меня, как занесенного в свой проскрипционный список за участие в осаде Львова и за советы по его обложению и бомбардировке, да и не будь этого — все равно оставаться на милость поляков не хотел. Значит, нужно было бросаться в неизвестное будущее.

Опять судьба грозила столкнуть меня с добрармией. Но выбирать уже было не из чего, приходилось уходить вместе с теми двумя батальонами галичан, которые той же ночью выступили спешно на Винницу. Мы благополучно прошли через отходившие части Петлюровской армии, нас пропустили мелкие разъезды добровольцев, из чего заключили, что какое-то соглашение заключено и пришли в Винницу.

Там узнали, что галицкая армия, изнеможенная тифом и лишениями, по-существу капитулировала перед добровольцами, но на началах полной автономии. Это меня уже несколько устраивало. Когда меня спросили, что, вероятно, я теперь пожелаю, быть может, отправиться в русскую, как они называли армию, я ответил, что желаю оставаться в галицкой. Числился в резерве, исполнял некоторые поручения не боевого характера, и предназначался для занятия должности начальника штаба запасных частей.

Но скоро в галицкой армии началось с одной стороны внутреннее брожение, а с другой — тиф ее косил окончательно, она стала небоеспособна. С севера надвигались большевики. Началось опять метание штаба в вагонах. Наконец, образовался военно-революционный комитет галицкой армии, который сменил командование и объявил, что галицкая армия переходит на сторону советской России; случилось это в начале февраля 1920 г.

Я болел тогда колитом, штаб армии обосновался в Балте, где я и лежал. Представители 12-ой армии появились у нас только, если не ошибаюсь, в 10-х числах марта. Началась реорганизация галицкой армии в красную галицкую армию, исполнил несколько поручений реорганизации конницы, но затем получил приказание вместе с офицерами бывшей русской и украинской службы отправиться в распоряжение нашей 12-ой в г. Киев, прибыл туда в конце марта, тотчас же почти по приезде заболел возвратным тифом в тяжелой форме; болел с месяц, выходить начал в 20-х числах апреля на прогулки из госпиталя, заходил в штаб, просил о назначении в одну из действующих частей на польском фронте, указывая, что очень хорошо знаю этот фронт и готов сражаться, получил приказание спешно ехать в Москву (это было, не помню какого числа в конце апреля), но хорошо помню, что приехал в Москву 1-го мая. В пути из газет узнал, что две галицкие бригады возмутились опять против Советской власти.

Твердых оформленных политических убеждений, которые можно было бы назвать советскими, у меня тогда еще, по совести говоря, не было, но предлагая свои услуги для борьбы на польском фронте, я, как теперь себе анализирую, исходил, по-существу, из прежней установки и видел в Красной армии, наконец, ту армию, которая явилась для меня действительно русской армией и, значит, я тогда действовал еще из чисто патриотических убеждений.

Н. Какурин

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОТ 21 АВГУСТА 1930 г.

Продолжаю свои показания:

По прибытии в Москву я явился во Всероглавштаб и вскоре был взят в ВЧК, дал там показания. Явился, будучи выпущен в распоряжение Полевого штаба, оттуда, выразив желание быть на фронте, был командирован в распоряжение Западного фронта, миновал штаб, можно сказать, проездом, получив назначение в 16-ую армию, прибыв туда, проехал в полевой штаб 16 армии, через несколько дней получил назначение на должность наштадива 8-ой стр. Оттуда вскоре получил назначение на должность начдива 10-й стр., привел дивизию под Варшаву, с нею отступил при общем отходе армий, действовал на Пинском затем направлении, был назначен вр. командармом 4-ой, а оттуда получил назначение на должность командарма 3-ей; проезжая через Смоленск, впервые лично представился командующему фронтом тов. Тухачевскому²⁴, которого до сего времени лично не знал.

Командовал 3-ей армией до ее расформирования, в конце января 1921 г. был назначен помкомандзапа. Там по роду службы и занятий ближе имел дело с командующим фронтом, бывал у него в доме. Лично он на меня произвел подкупающее впечатление и своей манерой обращения и живым и глубоким многогранным умом. Я посчитал его личностью незаурядной и

выдающейся с несомненными признаками большого военного таланта, быть может, с некоторыми увлечениями крайностями, но это было вполне объяснимо годами молодости. Он относился ко мне очень хорошо и быть может даже чересчур меня переоценивал. Хотелось своей работой оправдать доверие.

Случай вскоре представился. В начале мая месяца тов. Тухачевский был командирован в Тамбов для борьбы с Антоновщиной; я был туда назначен на должность начальника штаба. Работал в Тамбове очень много и усердно; охарактеризовать своей работы не берусь, но, по-видимому, ею были довольны. Уезжая в отпуск, еще до окончательной ликвидации Антоновщины, тов. Тухачевский пожелал видеть меня у себя в Академии, которую он собирался принять после окончания отпуска. Я сказал, что рад служить с ним, если не предвидится дальнейших фронтов. Но в середине или конце августа, теперь не помню, получил приказание ехать командовать войсками Витебского района против закордонного бандитизма, пробыл там до конца октября месяца и затем получил приказание явиться в Москву в военную Академию.

М.С. Какурин. 1927 р.

На цьому місці ми зробимо паузу у свідченнях-спогадах М.Какуріна й зазначимо, що із закінченням громадянської війни у Червоній Армії почалося різке скорочення. Військові фахівці, за допомогою яких більшовики перемогли у війні, вибороли собі право у повному складі залишитися в армії.

Найздібніші з них незабаром опинилися на викладацьких посадах у Військовій Академії РСЧА (згодом — Академія імені Фрунзе). Серед викладачів були яскраві постаті військової думки того часу: царські генерали Андрій Снесарев та Олександр Свечин; воєначальники часів Першої світової війни Сергій Лукірський та Дмитро Надьожний; колишній головнокомандуючий РСЧА Іоаким Вацетіс та начальник штабу Західного фронту Микола Шварц.

5 серпня 1921 р., після придушення Тамбовського заколоту, начальником Військової Академії було призначено Михайла Тухачевського. Незабаром до академії прибув і Какурін. В академії Тухачевський затримався недовго і вже 6 січня 1922 р. відбув на нову посаду. На відміну від свого патрона, Какурін залишився в академії до самого арешту, тривалий час обіймаючи посаду керівника кафедри військової Історії.

Перші кілька років Тухачевський і Какурін товаришували та досить

плідно співпрацювали. Перша наукова робота Какуріна «Стратегия пролетарского государства, ее задачи и методы подхода к ним» (1921 р.) була цілком співзвучна з книжкою Тухачевського «Стратегия национальная и классовая». Більше того, Тухачевський та Какурін спільним фронтом протистояли поглядам на майбутню війну більшості військових фахівців. Колишні генерали та генштабісти на чолі зі Свечиним та Снесаревим вважали, що для прогнозування майбутніх конфліктів необхідно спиратися на досвід Першої світової війни. Тухачевський і Какурін закликали до вивчення досвіду громадянської війни.

За спогадами комісара Військової Академії М. Корицького, Тухачевський досить вперто провадив свою лінію. На першому розширеному засіданні академічної ради він заявив: «Наши русские генералы не сумели понять гражданскую войну, но сумели овладеть ее формами. Мы видим перед собой не «малую» войну, а большую планомерную войну, чуть ли не миллионных армий, проникнутых единой идеей и совершавших блестящие маневры. В рядах этой армии среди ее преданных, рожденных гражданской войной военачальников начинается складываться определенная доктрина этой войны, а вместе с ней и теоретическое обоснование.

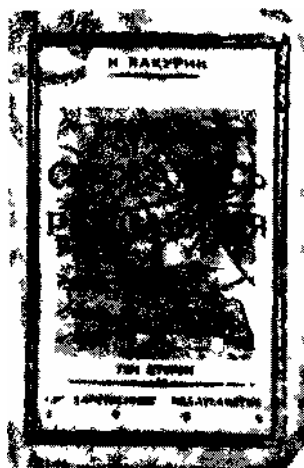
— Изучение основ и законов гражданской войны — это вопрос коммунистической программы. Лишь на базе марксизма можно обосновать теорию гражданской войны, то есть создать классовую теорию»²⁵.

Виступи Тухачевського в академії у 1921 р. не справили на викладачів належного враження Він не спрацював з колективом, та змушений був облишити стіни академії. А. Какурін залишився на одинці з супротивниками ідей Тухачевського, а разом із тим — і своїх ідей. Саме через це він цілком відійшов від касти старих військових фахівців та спілкувався переважно з власними вихованцями.

Найулюбленишим учнем Какуріна був молодий слухач академії Володимир Меліков, який згодом зіграв дуже непривабливу роль у житті Миколи Євгеновича. За допомогою Мелікова у 1925-1926 рр. Какурін видав свій двотомник «Как сражалась революция», а у 1925 р. у співавторстві з Меліковим — монографію «Война с белополяками в 1920 г.».

Невдача у радянсько-польській війні 1920 р. довгі роки залишалася болючою темою для РСЧА. Поразки зазнав командуючий Західним фронтом Михайло Тухачевський. Але винним у цьому було й командування Південно-Західного фронту на чолі з О.І. Єгоровим та членом реввійськради Й.В. Сталіним. У 20-ті роки існувало лише дві точки зору на ці події: одна група дослідників вважала винним Тухачевського, інша — керівництво Південно-Західного фронту та 1-ї Кінної армії. У своїй монографії Какурін зайняв дуже небезпечну для себе позицію, критикуючи як тих, так і інших. Саме це незабаром спричинило до розриву дружніх стосунків із Тухачевським.

А зараз знову повернемося до спогадів М. Какуріна. Ми зупинилися на тому, що наприкінці жовтня 1921 р. він отримав наказ прибути до Москви до Військової Академії РСЧА

Обкладинки двотомника М.Є. Какуріна, виданого у 1925-1926 рр.

Тут получил назначение главного руководителя по кафедре тактики, но на этой должности пробыл не долго. Я в марте был назначен командующим войсками Бухарской группы против Энвера-паши. Отправился туда в апреле (1-го), привезен был в Москву тяжело больным в конце августа 1922 г., но уже выздоравливающим понемногу. Был назначен старшим руководителем по кафедре тактики — главным руководителем был Верховский²⁶, я с ним расходился в принципиальных вопросах по методике, а главное по вопросу, на что перенести уклон, считал, что нужно базироваться на опыт гражданской войны. Я лично не симпатизировал А.И. Верховскому, между нами разногласия обострились и мы расстались, получив кафедру гражданской войны, я отошел постепенно от тактики, специализировавшись исключительно в этой области.

Обращаюсь к характеристике той картины, которую я застал в Академии в момент моего прибытия туда, а также эволюции ее за истекшие семь лет, причем говорю, что это мои личные впечатления, излагаемые совершенно искренне в процессе повседневных житейских наблюдений.

Я застал Академию в отношении ее профессорского состава в следующем состоянии: основной кадр состоял из старой профессуры в большинстве своем, если не поголовно не участников гражданской войны, а если и участников, то очень кратковременных и занимавших преимущественно в это время административно-штабные должности; этот кадр был разбавлен еще во время пребывания начальником Академии тов. Тухачевского несколькими генштанбистами, хотя и старой Академии, но имевших уже практический стаж гражданской войны; к их числу я могу причислить себя, были там Шиловский²⁷, Ермолин²⁸, как будто и все.

Таким образом, речь может идти об этом старом кадре. Он, во-первых, не производил впечатление спаянного и однородного кадра. Люди точно

случайно собрались отовсюду. Было их очень много, и всех бы я их теперь и не перечислил. К нам, новым пришельцам они, по-моему, относились не совсем-то дружелюбно и приглядывались к нам. Мне лично показалась эта группа, в политическом отношении, не идущей в ногу с современностью, наблюдавшей все перипетии гражданской войны сбоку и относящейся ко всем событиям либо со скептицизмом, либо с недоверием.

Я забыл упомянуть, что в числе новых лиц в Академии были еще и Н.Н. Шварц²⁹, И.А. Троицкий³⁰ и, наконец, не новым по времени прибытия, но новым по своей что-ли предшествующей карьере, как участник гражданской войны А.А. Вацетис³¹. Старая группа произвела в общем на меня впечатление каких-то мумий. Конечно, живой, энергичный и блестящий своим остроумием А.А. Свечин³² выделялся из них своей незаурядностью, но с ним меня не потянуло на сближение. Боялись его острого языка и многие старики и, в общем, по-видимому, тоже, как и нас, недолюбливали.

Пишу в общих чертах характеристику этой группы потому, что по создавшемуся общему впечатлению, мне показалось, что от них веет старым миром, старыми понятиями, старыми пережитками, от которых я уже и оторвался совершенно и создал себе за истекшие три года новое мировоззрение, совершенно отличное от них. Возможно, что среди них и были индивидуальные уклоны в ту или другую сторону, но, повторяю, что я не старался изучать каждого из них. В частности о Свечине я думал, что это человек талантливый, но подходящий к оценке явлений революции с узкой меркой буржуазного либерала. Что касается остальных, то повторяю — большинство представилось мне людьми ничем не интересующимися в окружающей их обстановке, кроме мелких обывательских интересов.

Повторяю, что это было первое впечатление, главным образом, относящееся к эпохе 1923 года. В дальнейшем происходил ряд чисток старого состава и оставшиеся начали выявляться более отчетливо. Я, например, убедился, что В.Г. Сухов³³, с которым мне пришлось встречаться более близко по совместной работе по кафедре истории военного искусства, оказался человеком весьма начитанным в области революционных войн, разбирающимся в вопросах исторического материализма. В недрах этой старой группы совершенно тонула и старалась подойти под общий тон группа офицеров бывших белых армий; их было несколько: Оберюхтин³⁴, Коллегов³⁵, Нацвалов³⁶ и др., которых сейчас всех не упомяну. Последние выделялись своей старательной работой, так как некоторых из них ценили слушатели и отзывались о них одобрительно

Впрочем, с этими людьми близко я не был знаком и сужу о них по тому впечатлению, которое они делали на взгляд. Как я уже сказал, состояние Академии в ее личном составе не явилось стабильным за все семь лет; оно подверглось изменениям путем либо смерти, либо ухода по разным случаям. Постепенно физиономия старого состава менялась, постепенно и

мне в процессе, главным образом, служебных и деловых сношений пришлось ознакомиться близко с некоторыми из них, причем общее мое впечатление не изменилось значительно от того первого впечатления, которое я получил.

Например, из коротких встреч с А.Г. Лукирским³⁷ и некоторых бесед с ним я убедился, что он мало следит за политической жизнью и не улавляет себе многих сторон современного строительства. Впрочем, в более глубокие разговоры я с ним на это не пускался, да и он не обнаруживал желаний их продолжать. Его я посчитал человеком вполне лояльным, честным, но мало интересующимся вопросами современности, но большим знатоком своего дела и относящимся к нему добросовестно. Говорю так про него потому, что случай сталкивал меня с ним несколько ближе, чем с другими. Думаю, что его тип может явиться характерным для многих.

Значит, мне предстояло самоопределиться, так сказать. Со старой группой мне было не по пути, я сближаться с нею не хотел, а потому никого из них, за исключением чрезвычайно редких деловых визитов (например, посоветоваться о плане или источниках) не посещал.

Из лиц, вновь со мною пришедших в Академию, я считаю, что наиболее близким ко мне по психологии, по образованию в смысле расширения кругозора чтением и по взглядам являлся И.А. Троицкий. Поскольку нас связывала дружба еще и в Академии (старой), то из всей промежуточной, если так можно выразиться, группы меня вполне удовлетворила дружба с ним. Я считал, что тогда, да считаю и теперь, его политические взгляды идут в уровень с современностью. Правда, за последние 2-3 года связи наши несколько разошлись, но посетив его недавно, я убедился, что он живо интересуется еще вопросами своей общественной работы.

Вот почему дальнейшего искания новых более прочных знакомств и в связи с этим дружеского сближения с промежуточной группой, которую я определяю, как группу людей, получивших образование в старой школе и начавших жизнь при старом режиме, а затем вступивших на новый путь и практически переварившихся в соках революции и гражданской войны, я и не делал. Да кроме того огромное значение ведь в этом случае имеет чувство личной симпатии или антипатии. Особенно лично меня не тянуло ни к одному из них. С Н.Н. Шварцем мы частенько поругивались из-за его вспыльчивого и несдержанного характера, а с прочими были у меня отношения холодно сдержанные.

В отношении своих взглядов на советскую власть, ее перспективы, я считал, что эта группа, безусловно, осознает в общем и целом положение идей с советской властью искренне, да иначе и быть не могло. Котел гражданской войны переварил их основательно в своем соку. Я считаю, что эта группа являлась во времена, с которых я начал свое описание, т.е. 1923-24 гг. безусловно, ценным приобретением для Академии.

Теперь перейду к тому новому, что в отношении перемен в личном

составе дал Академии приход новой смены, т.е. ее питомцев, начавшийся примерно с осени 1923 г. Первые ласточки не делают весны. Поэтому приход первых адъюнктов в лице гг. Циффера³⁸ и Вольпе³⁹ не мог внести чего-либо резко заметного сразу. Видно, что люди пришли с большим энтузиазмом, с большим желанием работать, внести новую струю.

Мне с Циффером пришлось столкнуться ближе, потому что тогда он начал работу как раз по кафедре тактики, которой я заканчивал руководство. Скажу прямо, что у нас с ним были столкновения. Он порывисто в некоторые моменты наускакивал, я не достаточно сдержанно отвечал. В дальнейшем мне пришлось с ним столкнуться уже при работе на Восточном факультете. Тут уже сложились совершенно новые отношения. По-видимому, он оценил меня, что не все уже во мне было так плохо, а я лучше узнал его. Наши отношения сложились очень хорошо. За несколько лет прогресс его был во всех отношениях громаден, не исключая характера. Он может пойти очень далеко в научном отношении, если не будет разбрасываться.

Затем с каждым годом начался все больший и больший приток молодых сил. Охарактеризую прежде всего это явление в общем. Конечно, политических их характеристик давать мне нечего. Я постараюсь передать мое общее впечатление от их прибытия. Было ли это положительное или отрицательное явление для жизни Академии, как это я себе представляю. Конечно, в общем и целом следует сказать — положительное.

Меня особенно интересовали те из них, которые пришли в Академию либо частично под моим руководством, либо были мне известны раньше, например, Гр. Ал. Ветлин⁴⁰. Я его знал всегда за способного, даровитого и работоспособного человека. Наблюдал его во время работы в Академии, встречал его после на службе. Когда он был в провинции и несколько раз наезжал в Москву, я поразился той огромной сумме практических и теоретических знаний, которые он принес с собой в Академию и тому хорошему правильному научному современному подходу в тактике, который он обнаружил. Безусловно, это будет крупная научная сила.

Блестящий исторический работник будет Голубев⁴¹, прекрасные качества хорошего исторического работника обнаружил Галицкий⁴², сильно прогрессировал Гай⁴³. Эту научную характеристику можно было бы еще и еще продлить, но зачем это делать. Приведенного достаточно для подтверждения того моего мнения, что в общем и целом (исключения ведь всегда бывают) — эта группа является ценной для Академии и многим из ее представителей суждено в научном отношении перешагнуть уровень нас и наших предшественников. Каково было мое личное отношение к ней. Я ее приветствовал, потому что, во-первых, видел в ней новую и крепкую струю, вернее поросль, органически уже связанную с основным стволом Красной армии, затем во мне и говорили интересы чисто научного свойства.

Я семь почти лет посвятил изучению истории гражданской войны и ее описанию; я полюбил это дело и приятно было видеть, что в руках талант-

ливой молодежи оно не захиреет, а будет расти. В-третьих, здесь сказывались чисто личные симпатии. С некоторыми из вновь пришедших меня связывали личные взаимоотношения, сложившиеся еще во время гражданской войны (например, Г.А. Ветлин), либо во время пребывания их в стенах Академии во время моего там пребывания (например, Гай), либо, наконец, просто знакомство, сложившееся во время войны (Чайковский⁴⁴).

Одним словом, в этом приходе новых сил я видел ту среду, которая более близка ко мне во всех отношениях, как я это себе представляю. Каковы были в общем мои взаимоотношения с ними? В общем и целом скажу, что хорошие и относились ко мне хорошо. Я забыл упомянуть еще о Г.О. Эстрейхере-Егорове⁴⁵, с которым меня связывают долгие хорошие отношения, начавшиеся еще на Западном фронте в 1921 г. Я его ценил всегда за глубокую философскую эрудицию и за обширное образование. Считаю, что он будет ценным теоретиком высших дисциплин военного дела.

Теперь перейду к тому, что я получал полезного и ценного для себя в среде той группы молодых, в которой я стремился вращаться и у которых я бывал дома. Прежде всего, они помогали мне разбираться в моих политических запросах. Например, Г.О. Эстрейхер давал мне блестящие анализы причин и характера нашего поворота на рельсы реорганизации сельского хозяйства и индустриализации, необходимости принятого темпа в этих отношениях, он прекрасно разъяснял мне сущность и характер причин уклонов в ту или иную сторону в партии и ряд вопросов по внешней политике, например, причины агрессивности Польши.

Во многих случаях я получал от них и дружеский совет, и моральную поддержку. Бывать часто я не могу у каждого; и они, и я люди занятые. Но чаще бывал (относительно, конечно) у Эстрейхера, с которым мы были знакомы домами, у Ветлина, заезжал к Гаю, но очень редко из-за удаленности его жилья. Вот собственно тот небольшой кружок, который вполне удовлетворял меня, почему я мало стремился к его расширению. Я вообще по природе сближаюсь медленно и новые знакомства предпочитал тогда, когда чувствовал, что найду в них что-либо поучительное для себя, а где же как не здесь мне было искать поучительного, как не в этой среде; в ней бы я и продолжал расширять круг своих знакомств.

В общем, однако, я должен сказать, что от Академической жизни во всех ее глубинах я постепенно и незаметным для себя образом оторвался. Тут был комплекс причин: во-первых, литературный труд меня увлекал больше педагогического, во-вторых, случилось так, что на меня выпадал целый ряд спешных работ, которые производить от меня требовалось срочно, например, к юбилеям и годовщинам, в-третьих, самый род литературной работы приучал к некоторому отрыву от массы и ее повседневной жизни.

Наконец, во многом содействовала этому и область личных переживаний, которые охватили меня особенно глубоко и полно примерно несколько

лет тому назад, сказывалось и влияние уже известной усталости от педагогической работы. Единственно, что меня увлекало по-прежнему — это история гражданской войны. Наконец, не скрою, была и с моей стороны разброска. Иной раз трудно отказать в просьбе прочитать где-нибудь короткий курс или эпизодическую лекцию, иногда случайно подвернется заказ мелкий — брался за многое, что, конечно, не содействовало моему вращению в Академию. Короче говоря, интересами Академии во всей их совокупности перестал жить и собирался уйти в Госиздат, как только выяснится, что я для него явлюсь действительно желанным приобретением.

Н. Какурин

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОТ 22 АВГУСТА 1930 г.

Продолжаю свои показания. Как я уже сказал выше, мои политические убеждения эволюционировали в процессе революции; они в начале ее могли быть сформулированы как демократические. Школа украинских переживаний меня многому научила на практике. Я увидел крах мелкобуржуазной демократии, был очевидцем ее неизбежного сдвига вправо после более или менее извилистых колебаний, а затем прихода реакции, но главное, в чем я убедился, это в том, что народные массы не идут с этой властью.

Власть советская заставляла задуматься, прежде всего, над причинами ее успеха в массах. Эти причины вполне ясно стали для меня уже в дальнейшем, пока же мои первые шаги еще были связаны с остатками старого патриотического мировоззрения: эта власть мыслилась мне пока, как объединительница государства и в настоящий момент защитница от его нашествия извне, но вопрос о стабильности этой формы власти для меня являлся неразрешенным ясно: возможно, что и она могла эволюционировать.

Впрочем, тогда я не занимался дальнейшим прогнозом. Мне было ясно только одно, что два года я фактически стоял в стороне от большого и великого дела. Явилось стремление поскорее приобщиться к нему. Я чувствовал свою нравственную обязанность доказать это не словом, а делом. Я знал, что Советской России предстоит трудная война. Я решил броситься на фронт и там заложить фундамент своей новой жизни и тем искупить прошлые вольные или невольные ошибки. Вот почему в Киеве и в Москве я не просил ни о чем ином, как об отправлении меня на фронт безразлично какой. Мне было оказано это доверие.

Таким образом, первое, непосредственное, субъективное ощущение, которое я воспринял от советской власти, это было изумление и чувство благодарности. Она, в сущности говоря, поверила мне на слово; — тут я увидел, насколько извращены были мои первые представления о ней, полученные на основании первых киевских впечатлений.

Второе впечатление было то, что власть эта сумела произвести огром-

ную организационную работу; значит, власть эта умеет и может управлять; третье мое впечатление было то, что народные массы идут, по-видимому, безоговорочно с этой властью; об этом свидетельствовали и порядок, и спокойствие в тылу и напряженная работа по восстановлению хозяйственного базиса. Первомайский субботник в Москве, который я застал при своем приезде, произвел на меня огромное впечатление: когда я говорю о своем впечатлении от путешествия по тылу, я имею в виду РСФСР.

Вот те впечатления, с которыми я явился на фронт. Они заставили меня обратиться к анализу причин этого явления. Я увидел, что необходимо коренным образом пересмотреть остатки прежнего мировоззрения. Оно мешало ясно смотреть в даль. По-видимому, лозунги патриотизма отжили свой век, на смену им пришли иные, мыслилось мне, и тут я из разговоров и из чтения попадавших под руку книг начал знакомиться с теоретическим обоснованием того, первые практические достижения чего я увидел.

Я понял, что явилась первая власть, которая сильна и крепка к ней доверием народа. Но почему же народ именно ей оказывает такое доверие и именно ради нее несет эти бесчисленные жертвы? Да потому, мыслилось мне, что она является властью не ради власти, а властью, которая взялась за руль правления ради интересов этих масс и, мало того, сама власть путем советской организации возникает из недр этого самого народа и непосредственно питается его корнями.

Это, повторяю, были первые выводы; роль и значение партии в этом процессе мне еще не уявлялись достаточно ясно, я понимал только, что во всем процессе оформления бытия нового должно быть какое-то организующее начало и руководство и сила этого руководства заключается в том, что налицо имеется партия, представляющая действительно интересы этих широких народных масс. Ясно, значит, что все прочие партии, бесчисленное количество которых то образовывалось, то разлеталось на территории Украины, в своих программах не удовлетворяли основным требованиям народных масс. Очевидно, в них были какие-то темные компромиссные места, которые вели за собой недоверие масс.

Это обстоятельство заставило меня более внимательно отнестись уже к основным положениям программы Коммунистической партии. Я начал понимать борьбу под классовым углом зрения и опыт первых моих боевых впечатлений показал мне: лозунги патриотизма должны уступить свое место лозунгам иного порядка — лозунгам класса. Может быть тогда все это складывалось не так отчетливо; важно было, что нужно было разобраться в целом ряде вновь нахлынувших понятий: международная солидарность всех трудящихся, освобождение угнетенных национальностей, класс рабочих и крестьянство, союз между ними в преследовании единой общей цели, подача руки международному пролетариату; — это все было то новое, в чем я должен был хорошенько разобраться, осознать и расставить все по своим местам.

Этот процесс шел постепенно наряду с восприятием впечатлений от окружающей среды и боевыми впечатлениями. Первое мое знакомство с Красной армией произвело на меня весьма благоприятное впечатление. Я увидел твердую войсковую организацию и наличие твердой дисциплины, хотя и без привычных внешних форм. Я понял, что раньше форма для нас заслоняла суть дела, а не это было, как оказывается, главное. И первое, что привело меня к более близкому знакомству с партией — это были впечатления от военной работы партии и самих партийцев.

Мне захотелось поближе познакомиться и разобраться в этих новых совершенно для меня людях, вышедших из недр революции. Поэтому я преимущественно начал приглядываться к ним. Что меня, прежде всего в них поразило в отношении себя самого? — Прежде всего их спокойная, деловая и даже, я бы сказал, приветливая встреча. Я не скрывал, откуда я прибыл и, тем не менее, мне была протянута дружеская рука. Это чрезвычайно облегчило мои первые шаги на практической работе.

Далее, подкупающе действовал их энтузиазм и вера в свое дело — этим особенно выделялись молодые генштабисты, которые были присланы на польский фронт из Академии. Меня потянуло в круг этой молодежи; — она охотно черпала у меня мой боевой опыт, а на них я учился расширению своего политического кругозора в обмене мыслями и беседами. Но, кроме них, были и другие военные работники, коммунисты в виде комиссарского состава и политруков в войсковых частях. Конечно, первый мой подход к ним был под военным углом зрения, — а что-то они из себя представляют в бою.

Вот первое яркое впечатление в этом отношении — в бою под Пружанами в одном из полков (каком — я теперь этого, конечно, точно не помню) выбыло из строя 16 человек политсостава. Тут я увидел, что эта партия (повторяю, с ее работой военной я впервые-то и столкнулся) не говорит, а делает; не требует жертв от других только, а сама жертвует своей кровью. Это впечатление было совершенно ясное и отчетливое.

А отсюда уже от одного этого конкретного факта пошли уже выводы, объяснившие мне внутреннюю организационную крепость Красной армии — это ее партийная прослойка. В этом, думал я, и заключается секрет ее успехов — это то звено, основа, костяк, который будет всегда оставаться налицо, сколько бы не нес он потерь, потому что может пополняться вновь самоотверженными новыми бойцами. Я решил, что моя работа в новых для меня условиях должна идти, опираясь на эти партийные силы. Их энтузиазм, героизм подкупал и влек меня и тем больше становилось мне за мое прошлое. Чего бы я не дал, чтобы вернуть два минувшие года обратно. Но думалось мне, я смогу здесь в пределах возможного искупить свои ошибки, я буду работать не за страх, а за совесть так, чтобы оказаться достойным тех людей, которые приняли меня в свою среду. И я работал.

Надо сказать, что головка дивизии в лице начдива и ее комиссара Ош-

лея являла пример, к достижению которого следовало стремиться. Повидимому, когда меня изучили более или менее, а в боевой обстановке это происходило скорее, я сумел заслужить себе хорошую репутацию. Когда я вскоре получил 10-ую стр. дивизию, меня радушно и тепло проводил не только командный, но и политический состав штаба. Вслед за мною в штаб дивизии ушло два, три молодых генштанбиста и из штаба армии стали проситься ко мне и еще (прибыл вскоре, между прочим, из штарма и В.И. Чембровский⁴⁶; были, кроме того, Парм⁴⁷, Ковшов⁴⁸, ныне убитые, Петровский⁴⁹). Комиссаром ко мне был назначен Е.А. Дрейцер⁵⁰, бывший комиссар 24 стр. бригады (8-ой дивизии), а начальником штаба дивизии состоял В.А. Кангелари⁵¹. Эти два коммуниста в непосредственной близости со мной провели поход под самую Варшаву и обратно.

Это переваривание меня самого в общении этих людей, и в окружении части молодежи, перешедшей за мной в новую дивизию, еще более укрепило и усилило мое уважение и преклонение перед героизмом и самоотвержением партии в плоскости чисто военной работы (я повторяю, что с этого и началось мое знакомство с ней). Мне дороже всего были мнение и оценка не высшего начальства, а именно этих людей, к которым я относился с величайшим уважением. Я старался и на посту начальника дивизии дать максимум того, что я дать мог для пользы общего дела.

В процессе этой практической боевой работы и в непосредственном восприятии впечатлений и слов окружающей меня среды, как дым таяли последние остатки того патриотического мировоззрения, с которым я пришел в Красную армию, окончательно сложилось признание партии, как основного движущего массы вперед фактора и укладывающего движение стихии в одно определенное русло. Я в лозунгах борьбы за международное объединение трудящихся видел уже не только одну фразу, а понятие, насыщенное конкретным содержанием. Ради него шли сражаться и умирать мои ближайшие боевые товарищи. Я был им обязан очень многим и считал, что я должен теперь безоговорочно идти вперед за ними и уяснить себе отчетливо те этапы, которые они уже прошли. Мне чувствовалось, но не представлялось отчетливо еще, что партия идет по какой-то новой дороге, которая ее приведет к цели.

Я перейду прямо к тому периоду, который связан в моей жизни со стремлением войти самому в партию. Прежде всего скажу, что странным может показаться такой скачок. Да, оно теперь с дальности десяти лет так и оказывается. Конечно, я был и сырой и мало подготовленный материал. На мысль о подаче заявления в партию я пришел не сразу. Совестно было, по правде, лезть с таким хвостом вроде различных перипетий моей предшествующей двухлетней жизни.

Но в разговорах с предреввоентрибунала 3-ей армии Гурьевым, с которым мы близко сошлись, он как-то сам спросил, а отчего вы при наметившемся вашем новом мировоззрении не попытаетесь вступить в партию и тем

самым показать, что вы ваши новые убеждения не на словах, а на деле будете проводить. Я ответил, что стесняюсь прошлого, не хочу делать глупую фигуру, являясь с таким ничтожным багажом заслуг в партию. Что я, собственно, сделал? — Мог бы дать и больше гораздо, если бы не болтался сбоку припека где-то два года. Так этот разговор и прикончился.

Но потом я подумал — кое-какую маленькую боевую заслугу я принес, по-видимому, раз меня ценят и мне доверяют, частично ошибки прошлого, пожалуй, искуплены, теоретически подготовлюсь, а пока действительно вступлением на этот путь постараюсь скорее в себе самом изжить воспоминания о прошлом. Я переговорил с членом Р.В.С. армии Мехоношиным; он направил меня к начпоарму Рафесу: этот, как теперь помню, сказал: Украина хорошая была школа для вас — она научила изжить все иллюзии мелкой буржуазии. Дал кое-какие книги. Написал заявление — это было в январе месяце 1921 г., когда армия уже расформировалась.

Мое заявление пришлось подавать уже в штазапе и оно разбиралось в тамошней ячейке, если не ошибаюсь, в апреле; это был период наступления нэпа, по крайней мере, поворота на его курс. Помню, что в коммунистических кругах разговоры о нэпе были большие. Происходили споры; иные считали, что это отступление по всей линии, иные утверждали, что это тактика, не нарушающая основной программы и ее конечных целей, считали, что это, дав передышку крестьянству после гражданской войны, в которой система военного коммунизма была логически неизбежной для успешного окончания войны, закрепит союз пролетариата и крестьянства.

Я считал, что ЦК партии знает лучше, что надо делать (это был пережиток старой военной субординации), а по-своему толковал это так, что, конечно, делается известная уступка крестьянству, чтобы оживить стимул его к поднятию производительности сельского хозяйства, сравнивал это по аналогии с передышкой, ради которой был заключен Брестский мир, но возможно, что этот период будет и продолжителен.

Но, в общем, скажу прямо теперь, что в своей точке зрения я, конечно, всех глубоких корней явлений не искал тщательно; пожалуй, я скорее брал готовую формулу не отказ от программы, а тактический маневр, значит, будь спокоен и слушайся старших, которым виднее; само собою разумеется, что эта точка зрения слушаться старших являлась известным показателем моего еще слабого политического мышления перед оценкой крупных явлений.

Дабы точнее формулировать мои тогдашние впечатления и мысли, я постараюсь, насколько могу, уточнить их в обстановке того времени: мне мыслилось, что нэп в тогдашних условиях расширит базу советской власти, во-первых, восстановлением института мелкой собственности, что удовлетворит крестьянство. Поэтому я не был против его восстановления.

Во-вторых, я мыслил, что тем самым создаются более подходящие условия для уровня тогдашнего состояния наших производительных сил для

обеспечения, как я тогда мыслил, нормального существования страны на более или менее продолжительный период времени; в-третьих, я мыслил, что эти нормальные для того времени условия жизни и создадут прочное цементирование достижений гражданской войны.

Короче говоря, думалось, что найдена подходящая форма государственного существования с сохранением основных завоеваний революции; но самый нэп я не представлял себе, как окончательную стабильную форму; допускал возможность какой-то дальнейшей эволюции, возможно и в сторону какой-то широкой демократии, а возможно и в сторону дальнейшего углубления революции. Во всяком случае, восстановление мелкой собственности создавало предпосылки к подобному прогнозу. Как теперь вижу, по существу это являлось чем-то вроде сменовеховской теории и свидетельствовало о близорукости еще тогда моего прогноза.

Не буду останавливаться на перипетиях моих дальнейших шагов в партийном отношении. В силу утерь моих документов в Бухаре, я ждал по возвращении оттуда в течение года этих документов, не считая себя фактически кандидатом, чтобы не сойти за самозванца, а осенью 1923 г. возобновил ходатайство о приеме в партию уже через Академию, но в силу новых ограничений для лица иного классового происхождения на этот раз мое заявление уже не прошло.

Да и сам я поближе присмотревшись к внутренней, домашней стороне жизни коммунистов, их отношение к делу, самопожертвование личной жизнью и интересами, то убедился, что тонка моя кишка в этом отношении и шаг мой был необдуман не по политическим, конечно, моментам, а потому, что внутренняя-то правда моя еще не прошла никакой предварительной закалки, что и внутреннего горения вряд ли хватит, а потому решил не настаивать на приеме в кандидаты, ибо убедился, что идейной базы для вступления в партию у меня, по-существу, нет.

Но это не исключило моего желания несовершенства моей внутренней природы искупить, по крайней мере, верным служением тому знамени, под которым шел, и потому в Бухаре в 1922 г. я сознательно был там, где опасность была наиболее сильной. Я последовал в самые малярийные местности, считая, что командующий в это время должен быть в самой гуще красноармейцев, сознательно перенес все тягости похода, сдал команду, когда практически был вынесен смертельно больным из передовой линии.

Пишу не для хвастовства, а чтобы фактически подтвердить, что свое решение, свои стремления я подтверждаю не словами, а делами. О моем дальнейшем прохождении службы я уже писал.

Перехожу теперь к тому, как я воспринял период с 1923 г. по 1924 г. Я застал первую дискуссию о Троцкизме, начало ее в стенах Академии. Но на партийных собраниях, по выше изложенной причине, уже не бывал. Я поэтому буду описывать восприятие троцкизма, как свои личные

переживания. Прежде всего скажу, что чем больше и ближе я знакомился с сущностью коммунизма, тем сильнее чувствовал я слабость своей теоретической подготовки. Я решил начать ее с азов, взялся за книги; в этот-то период и развернулась дискуссия.

У меня уже к ее началу существовало вполне отчетливое и ясное представление о том, что сила партии — в ее единстве. Значит, углубление дискуссии как первый ее результат грозило развалом партии, а отсюда выход наружу всех центробежных сил, опасность внешней и внутренней войны и пр., развал того монолитного здания, которое воздвиглось в результате гражданской войны. Не всегда даже самые радикальные лозунги приводят к той цели, которую они проповедают.

Аксиома гражданской войны — успех, достигнутый в союзе пролетариата с крестьянством, — могла быть утрачена и замениться противопоставлением пролетариата крестьянству; значит, уроки всех предшествующих революций грозили пойти насмарку. Наконец, привыкнув искать в истории не тождеств, но аналогий, я вспоминал, что таким именно путем многие диктаторы приходили к власти. Мне казалось, что Троцкий, как личность сильно выраженный индивидуалист, стремящийся противопоставить себя партийному руководству.

Я предпочитал в отношении троцкизма придерживаться официальной версии партии, поскольку, не углубляясь в детали, считал, что троцкизм приведет к возможной реакции, войнам и расчленению России, т.е. будет противоречить тем взглядам, с которыми я пришел к Красной армии. Другого течения в партии, которое бы меня больше удовлетворяло, не было, и поэтому я предпочитал придерживаться линии основного ядра партии.

Но тут я должен опять сделать отступление в сторону моих личных переживаний в эту эпоху. Получилось нечто вроде раздвоения личности; я в теоретическом отношении продолжал увлекаться расширением своих познаний в новой неизвестной области исторического материализма, а вместе с тем и переход на мирные рельсы и приманки мирной жизни потянули к себе. Начала зарождаться какая-то апатия к вопросам политики, дискуссиям и пр., хотелось как бы отдохнуть от них.

Связей со своим военным коммунистическим окружением я не прерывал, но это было уже не то, что в годы гражданской войны; не было бодрящего и освежающего влияния среды, чувствуемого постоянно. Отношения к советской власти как таковой не изменились; я ее по-прежнему считал твердой, крепкой и действительной, но интерес живой и непосредственный к ее достижениям сглаживался, думалось, я лоялен, ну и ладно.

Формы диктатуры, казалось мне, тоже должны как-то эволюционировать, под влиянием исторического процесса мыслилось, что они идут по некоторой средней равнодействующей, характер которой уловить я не мог. Возможно, что это было, да так оно и было в действительности, мое ошибочное впечатление и я рассуждал, что к ликвидации нэпа мы подойдем не

скоро и эволюционным путем. Теоретически в это время я вполне уже отчетливо осознал и практически видел, что определенные реальные достижения налицо даже за период нескольких лет мирного развития; несомненно власть несла благо народу: рост школьной сети, социальное обеспечение, охрана труда, медленный, но верный подъем благосостояния народных масс, ряд этих наблюдений не прошел мимо меня.

Но в основном я считал, что советская власть, как идея, как принцип уже прочно пустила корни в самые глубины народного самосознания, что ее народ не променяет на другую, потому что и сам в ней участвует и непосредственно ее результаты на себе ощущает, но что речь, значит, может идти лишь о формах диктатуры в том смысле, что партия, крепкая своим авторитетом в массах, может быть, сама решит видоизменить эти формы диктатуры, возможно, в сторону дальнейшего поощрения крестьянства и ставки на этого крестьянина.

Такое настроение мое продолжалось некоторое время примерно до конца 1923 г. Затем возник новый интерес к происходившим событиям. В партии возникало течение двоякого порядка: либо энергичный скачок в будущее с радикальной перестройкой всех хозяйственных отношений на земле и попутной индустриализацией страны в короткий срок, либо продолжение пути к социализму эволюционным путем со ставкой на поощрение роста благосостояния крестьянства в лице его наиболее энергичных представителей. Вокруг этого вопроса возникла борьба, правда, не носившая обостренных форм, потому что самый уклон сильно был завуалирован разными цитатами из сочинений Ленина и пр.

Мне показалось, что это последнее течение имеет за собою то преимущество, что меньшей тяжестью ляжет на крестьянство, а, кроме того, размеры скачка меня пугали, поэтому первоначально мне показалось, что путь правого уклона более правилен. Все это, как вижу теперь, было ошибкой, так как я недооценил и не рассмотрел существо этого скачка, опирающегося на достаточно мощную индустриальную базу. Но все это были чисто теоретические мои рассуждения и сомнения. Возможно, что это и можно квалифицировать, как известную симпатию к этому последнему уклону.

Мою фразу «видоизменить эти формы диктатуры» надо понимать, как мысль, что это видоизменение произойдет на основе того решения, к которому придет партия в результате борьбы различных мнений и оформления на основании ее нового течения в самой партии.

Н. Какурин

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ОТ 23 АВГУСТА 1930 г.

Круг моих знакомых по Москве был следующий: ближайшими, если можно так выразиться, знакомыми, в смысле посещения домами были

Эстрейхер-Егоров, Кауфельдт ⁵² (когда он жил в Москве), Колесинский, Тухачевский (бывал и у него в семье), Троицкий. Более близкие товарищеские отношения были с Кауфельдт, Ветлиным, Троицким; часто заходил ко мне Чусов ⁵³ в бытность в Академии, а после вслед за своими приездами в Москву.

Кроме того, фронтовыми моими знакомыми, у которых я бывал с длительными и неравномерными перерывами, были Муклевич ⁵⁴, Бронштейн, Дрейцер, Туляков, Батулин, Чембровский, Кангелари; к числу знакомств, возникших на деловой почве, можно отнести Я.А. Яковлев, Меллер, Соколов-Страхов ⁵⁵.

В самое последнее время при случайной встрече на улице возобновил знакомство (это было в апреле 1930 г.) с семьей Ткачевых ⁵⁶. Забыл упомянуть, что при перечислении знакомых семейными домами Красовского, служившего когда-то со мною в Галицкой армии. В связи с моими личными переживаниями сблизился я с моей двоюродной сестрой Ольгой Андреевной Зайончковской (по мужу Поповой) ⁵⁷.

Бывал у меня, кроме того, эпизодически Никонов ⁵⁸, а мне приходилось бывать у Соколова, Страхова. Забыл упомянуть еще семью Туляковых, у которых мы были несколько раз с женою; добавляю к числу моих знакомых еще Меликова ⁵⁹, который несколько раз в прежние годы был у меня в доме.

Наконец, в последнее время был раза два или три у В.В. Соколова. С Бронштейном знакомство, можно сказать, прервалось еще в 1925 г., а затем вновь при случайной встрече на улице я был у него летом. Могу еще упомянуть, как о знакомстве некоего Ромейкова, женатого на сводной сестре женщины, с которой я жил. Там я был с нею раза два или три в прежние годы (примерно до 1928 года).

Я теперь перехожу к вопросу о знакомстве моем с американским корреспондентом Чемберленом и его женою. Это произошло следующим образом. Когда я выполнял ряд работ по поручению Я.А. Яковлева, ныне Наркомзема СССР, он сказал мне, что желает меня познакомить с американцем, изучающим историю гражданской войны. Полагаясь на рекомендацию, я согласился. Ко мне был приведен Чемберлен с женою его, если не ошибаюсь в фамилии, секретарем «Крестьянской газеты» Белоклоковым.

В течение 1925 г. и половины 1926 года Чемберлен был у меня несколько раз (точно не припомню сколько, но немного). Интересовался гражданской войной и литературой. При изучении ее, натываясь на некоторые трудности, главным образом в истории польско-советской войны, ее мотивы, причины наших неудач и пр., приходил за дополнительными разъяснениями, я указывал некоторую литературу, имеющуюся в продаже.

Теперь должен сказать, что и я в самом начале раза два был у него с женой и детьми на обеде. Пошел туда по просьбе их; они хотели, по-

видимому, большего сближения, потому что Чемберлен приходил уже советоваться в смысле литературы не только, но и как-то спросил меня, правда ли так живописен южный Кавказ и стоит ли туда проехать; я увидел, что круг гражданской войны им, по-видимому, изучен более или менее и решил прекратить это знакомство, как лично меня мало интересующее. Просил Я.А. Яковлева дать ему это понять; он отказался, т.е. сказал, что это ему неудобно и тогда я просил свою жену под благовидным предлогом это сделать. Таким образом, можно сказать, что с конца 1926 года у меня с Чемберленом никакой связи нет.

Я категорически отрицаю, что передавал ему какие-либо письменные, мною написанные записки по разным вопросам; я категорически отрицаю, что принимал его или виделся с ним где-либо в другом месте, в частности, в доме женщины, с которой я имел связь, и, наконец, с негодованием отвергаю обвинение в том, что получал с него какие-либо деньги. Должен сказать, что интервью по гражданской войне мне пришлось давать еще одному американскому корреспонденту, некоему офицеру; один раз в Академии, а другой раз в Наркоминделе по просьбе тов. Цукермана.

В своих разговорах с Чемберленом у себя дома я никогда не касался вопросов, так или иначе относящихся к Красной армии; я, по прекращении нашего знакомства с ним никогда и не стремился к его возобновлению, поскольку считал, что это вещь лишняя. Я в интересах отвлечения Чемберлена от каких-либо вопросов несколько раз старался его расспрашивать об Америке и о причинах его интереса историей гражданской войны. Он сказал мне, что пишет книгу о России, в которой будет несколько глав, посвященных истории гражданской войны. Само собою разумеется, что ни о каких своих внутренних политических переживаниях я с ним не говорил.

Все мои разговоры с этими американцами я вел в совершенно лояльном советском духе. Мне моя жена говорила, что жена Чемберлена спрашивала ее, не коммунист ли я, что так лестно живописую достижения и успехи Красной армии на фронтах гражданской войны. Иногда я давал и характеристику противника, а также рекомендовал к прочтению ту или иную литературу, давая анализ и оценку ее. Об интервью с офицером могу сказать, что оно в первый раз касалось вопроса гражданской войны в целом, а второй раз вопроса о басмачестве. Насколько припоминаю, они имели место в 1928 г. Я забыл добавить, что из знакомства с Чемберленом я не делал никакой тайны. Тогда начальником Академии был т. Муклевич и я ему сказал об этом.

Перейду к вопросу об установлении моей любовной связи с певицей Мелиховой-Морозовой. Я с ней сошелся в 1924 году. Давал ей средства к существованию. Как женщина скрытного характера и очень боявшаяся, чтобы эта связь не стала известной моей жене, она старалась, чтобы поменьше ее афишировать. Я был заинтересован в том же, но некоторые мои товарищи ее знали. Бывал я у Мелиховой по несколько часов в день, как

правило, обычное 2-3 часа ежедневно, но бывали дни, когда я оставался у нее и на более длительное время. Часто приходилось мне обсуждать с ней вопрос о сложившихся взаимоотношениях с нею. Она очень боялась, что как-нибудь моя жена явится к ней на квартиру.

В периоды этих нервных настроений я оставался у нее дольше. Иногда делал там свою текущую работу либо в виде правки корректур (преимущественно), либо в виде просмотра и редактирования своих сдававшихся к печати работ. Морозова-Мелихова получала иногда от меня письма, которые она просила направлять ей до востребования, опасаясь, чтобы хозяйка их не вскрыла и не прочитала; этот штрих привожу, как характеристику ее болезненной подозрительности; также подозрительно она относилась и ко мне, все воображая, что я могу бросить и изменить ей.

Иногда, очень редко, не более двух, трех раз в год в среднем устраивал я у Морозовой-Мелиховой небольшие вечеринки с гитарой для друзей. Здесь собирались некоторые мои товарищи, ужинали и пили чай, а затем пела она под гитару или наоборот. Несколько лет моей связи с нею протекли сравнительно в кратковременных дневных встречах, так что значительная часть ее жизни протекала вне моего наблюдения. Я только просил, в свою очередь, не распространяться среди ее подруг о наших взаимоотношениях и не давать повода для излишних сплетен.

На заданный вопрос бывал ли у нее Чемберлен по моему приглашению, отвечаю: я никогда его туда не приглашал и он там не бывал. Какой характер носили те вечеринки, которые я устраивал: исключительно характер развлечения; я и мои друзья в этом отношении отлично понимали, что никаких деловых или служебных разговоров вести нечего в такой обстановке.

На заданный мне вопрос писал ли какие-либо записки и отправлял их лично с девочкой категорически утверждаю, что лично таких поручений никакой девочке на давал. Но помню, что раз был случай – это было в январе месяце 1930 г. уже по возвращении моем из Крыма, что Мелихова страшно поссорилась со мною из-за того, что будто бы я так долго оставался в Крыму в целях связи с какой-то женщиной и просила меня пригласить Ветлина; я написал ему письмо и передал ей; она сказала, что либо напишет ему сама, либо перешлет ему это письмо, либо свезет сама. Это письмо я оставил у нее.

На заданный вопрос, не отправлял ли я с девочкой каких-либо рукописей Чемберлену, либо кому другому – также категорически отвечаю, что этого не делал. Последний год, а вернее полтора я сильно начал болеть и за период моей болезни, а также поездок на курорты наши связи в смысле личного общения с Мелиховой прерывались на более или менее продолжительное время.

На заданный вопрос, чем объяснить мою связь с нею в силу разницы интеллектов отвечаю: действительно, Мелихова была необразованная

женщина, но при наличии сердечности и мягкости, пока была здорова, она меня весьма привлекала к себе. По-видимому та болезнь, которой она давно страдала и о которой мне не было известно, в известной мере отразилась в ее психике, но ясные следы этого в смысле ее чрезвычайных раздражительности и нервности, а также резкого изменения в характере, совпавшего и со временами заметным резким раздражением против меня, сменившимся затем возвращением к нежности, обнаружались только в январе месяце 1930 г.

На заданный мне вопрос о том, давал ли я ей деньги, дополнительно поясняю, что первоначально я ей купил несколько вещей из обстановки и платья, а деньги более или менее регулярно, а затем некоторые единовременные выплаты начала она получать от меня после, а именно, если не ошибаюсь теперь, начиная с 1927 г. В зависимости от литературного гонорара выдавал деньги либо ежемесячно, либо единовременными выдачами на сберегательную книжку; наконец, перехожу к вопросу о заболевании Мелиховой.

Это случилось примерно еще в начале февраля, когда она начала жаловаться на какие-то странные припадки в голове и боли в ногах. Тогда ее поведение стало очень странным; она говорила о каких-то преследованиях от злых людей, о том, что я хочу ее бросить и пр. 16 февраля она мне сообщила в припадке тяжелой истерии, что ее вызывали в особый отдел и что спрашивали про меня, но далее уже ничего ясного из ее слов понять было трудно и во мне, с одной стороны, боролось сомнение, не фантастика ли это просто в виде истерии, доведенной до крайней степени своего выражения или там есть действительно основания. Не чувствуя за собой вины, долго думал на что решиться. Вся история меня глубоко потрясла.

На ваш дополнительный вопрос отвечаю: теперь должен признать, что факт знакомства с Чемберленом являлся для меня поступком опрометчивым; я не исключаю, что чувство подозрения должно было сразу заговорить во мне, но прошу принять во внимание, что рекомендация Яковлева в виде присылки его ко мне притушила это чувство. Я не отрицаю, что наряду с вопросом о гражданской войне, Чемберлен задавал мне вопросы разнородного характера, в том числе возможно и политические, искусно влил их в канву разговоров о гражданской войне.

Мне показался поздно его интерес к гражданской войне столь длительным, что заставило меня прервать решительно это знакомство в конце 1926 г. Теперь я вижу, что Чемберлен меня использовать мог, как разведчик и возможно частично из моих разговоров с ним мог делать целый ряд выводов и прогнозов для себя, возможно, что и политического характера.

Н. Какурин

23 августа. Продолжаю свое показание: Подытоживая годы пребывания моего в рядах Красной армии и на службе в Академии, должен сказать,

что приход мой в Красную армию произошел, вследствие уяснения себе роли крестьянства, как движущей силы революции. Самый нэп я встретил с большим сочувствием, ибо он открывал новые перспективы как в крестьянском вопросе (допущение дальнейшего развития частной собственности), так и потому, что приближал Советскую Россию к новым формам бытия в сторону дальнейшего эволюционирования и развития нормальных форм демократического государства. Собственно, мои антитроцкистские позиции были не столько защитой официальной линии ЦК, сколько явным несогласием с тем нажимом на крестьянство, который лежал в основе этой платформы. Как тогда я убедился с левым выступлением, левой фразой мне было не по пути. Другого течения, более отвечающего моему мировоззрению в партии, еще не было.

Отчетливо совершенно я ощущал, что формы диктатуры меня начинали не удовлетворять. На этой основе выросла у меня апатия, скука от постоянных дискуссий и, наконец, поколебалось убеждение в монолитности партии. Я понял, что еще такие толчки могут привести к развалу. Я мыслил, что вновь нарождающийся, правый уклон является исходом к избежанию этих толчков, не меняя основных установок программы. Симпатии мои поэтому склонялись теоретически к правому уклону. Установка правых по крестьянскому вопросу мне являлась близкой. Я понимал тогда, что в случае успеха правого течения видоизменяются некоторые формы существа Советского союза, а в связи с этим и диктатуры при сохранении ее основной установки в целом.

Н. Какурин

На цьому завершуються свідчення-спогади М. Какуріна в матеріалах його архівної кримінальної справи. Залишається додати, що у другій половині 20-х років Какурін опинився між двох вогнів. З одного боку знаходилися старі військові фахівці на чолі з колишніми генералами Свечиним, Снесаревим, Морозовим (викладачем Військово-політичної академії ім. Толмачова в Ленінграді), яких він зрікся ще в 1921 р. З іншого – молоді генштабісти на чолі з Тухачевським, Меженіновим, Корком, які відвернулися від Какуріна після 1925 р. І якщо старі генерали відверто ігнорували Какуріна, то молоді викладачі та випускники академії засуджували за «зраду».

Між військовими фахівцями – прихильниками вивчення досвіду Першої світової війни та молодими «академіками», шанувальниками досвіду громадянської війни, теж точилася прихована завзята боротьба. Але сили були на боці молодих. Всі вони були членами ВКП(б) та радянськими військовими функціонерами, а старі генерали – лише тимчасовими попутниками.

Першою ластівкою загострення стосунків став арешт 27 січня 1930 р. начальника Військової Академії РСЧА А.Є. Снесарева. Його звинувачували

у приналежності до контрреволюційного «Руського Національного союзу». За цією справою 18 серпня 1930 р. Снесарева присудили до розстрілу з заміною на 10 років ув'язнення⁶⁰. Але у справі Снесарева, доки що випадковій, якщо так можна висловитися, слід молодих генштабістів ще не простежувався.

Тоді ж почалися неприємності і у Какуріна. Його «підсидів» улюблений учень — Володимир Меліков. Останній виявився дуже гнучким, коли справа стосувалася честі. Меліков відмовився від попередньої позиції Какуріна щодо розгляду Польської кампанії 1920 року та цілком став на бік молодих генштабістів. Крім того, Меліков зробився апологетом історії громадянської війни у Військовій Академії. Як результат — Мелікова замість Какуріна поставили керівником кафедри військової історії⁶¹.

Та вже у 1937 р. Меліков «успішно» зрадив молодих генштабістів, а в 1938 р. «добив» рештки військових фахівців, більшість з яких його дуже не любили. Для характеристики цих стосунків варто навести уривок із спогадів колишнього слухача академії Генерального штабу (1936 р.) генерала Л. Сандалова про ставлення до Мелікова видатного військового теоретика А. Свечина: «Товарищ профессор, — обратился к Свечину после его лекции кто-то из слушателей. — А нам этот вопрос профессор Меликов объяснял иначе.

— Меликов?.. Да ведь в военном искусстве он дилетант, — брюзгливо пробормотал Свечин»⁶².

Але й цей сталінський апологет, як назвав Мелікова О.П. Ненароков у передмові до двотомника Какуріна, не втік від репресій. Під час Другої світової війни генерал-майор В.А. Меліков був заарештований та «відмотав» свій строк⁶³.

А хмари над Какуріним та рештою військових фахівців продовжували згущатися. У першій половині 1930 р. були заарештовані за шкідництво члени Головного управління військової промисловості, працівники Центральних артилерійських майстерень, співробітники Артилерійського, Топографічного та Військових сполучень управлінь штабу РСЧА. У переважній більшості все це були генерали та офіцери старої російської армії. Ця хвиля погрому старих військових кадрів мала рано чи пізно захлеснути й Миколу Євгеновича.

14 серпня 1930 р. Москвою прокотилися масові арешти кадрових військових, що колись служили у білих арміях або повернулися з еміграції. Хапалися не тільки генерали та офіцери, що перебували на особливому обліку ОГПУ, а й ті, хто перебував на дійсній військовій службі. На заслуги перед Радянською владою не дивилися. За нашими підрахунками, того дня у Москві було схоплено близько 300 людей. Були серед них й близькі колеги М.Є. Какуріна, яких він згодом згадував на допитах як колишніх білогвардійців, що викладали у Військовій академії РСЧА, — С.М. Колегов та А.Р. Нацвалов. Також потрапив до Бутирської в'язниці й співробітник

Какуріна з військового відділу Держполітвидаву О.А. Буров. Туди ж незабаром було кинуте й одного зі старих друзів Миколи Євгеновича – І.О. Троїцького.

Також серед заарештованих було багато заслужених білих воєначальників, зокрема генерали О.С. Секретьов, Є.І. Зеленін, І.Л. Фомін, Ю.К. Гравицький, І.І. Бобришев тощо. Всі вони, за виключенням Бобришева, свого часу повернулися на батьківщину з еміграції, повіривши обіцянкам Радянської влади⁶⁴.

За що ж пересаджали колишніх білогвардійців? Саме в той час ЦК ВКП(б) виніс рішення про чистки лав РСЧА та радянського суспільства від небажаного елемента, серед якого на першому місці стояли колишні білогвардійці. А частка їх серед командного кадру РСЧА була дуже вагома. Так, у 1921 р. з майже 50 тисяч офіцерів, що служили на різних командних посадах у червоних частинах, близько 15 тисяч припадало саме на колишніх білих. З часом їх частка в РСЧА ще побільшилась: до складу армії в 1921-1924 рр. вступило багато офіцерів з низки національних армій, білогвардійських формацій Далекого Сходу, а також тих, хто повернувся з Балканських країн. У списку осіб з вищою військовою освітою в РСЧА на 1923 р. значилося 93 колишніх білогвардійських генштабістів (серед них —

Фотографії М.Є. Какуріна з архівної кримінальної справи № 67093-ФП, т.4, що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України (1930 р.)

32 генерали), що становило більше 20 відсотків від усього старого Генерального штабу на службі більшовиків.

Був серед них й М.Є. Какурін, його заслуги перед Радянською владою абсолютно нічого не значили, й він даремно тішив себе ілюзіями. Для більшовиків та ОГПУ Микола Євгенович продовжував бути лише колишнім біляком, що з вимушених обставин опинився в РСЧА, й по своєму вони були праві.

Викладач військової академії, відомий дослідник громадянської війни, орденоносець та «заслужений радянський воєначальник» М.Є. Какурін був заарештований 19 серпня 1930 р. – всього-навсього через п'ять днів після арештів білогвардійців, що у ліпшому випадкові працювали різноробами, прибиральниками, пожежниками. Здається, завдяки цьому фактові стає

одразу зрозумілим, що хоч би яким «лояльним» та «заслуженим» Какурін був, він все одне не уникнув би арешту.

Які ж були підстави для затримки Миколи Євгеновича? Нам хотілось б звернути Вашу увагу на одну фразу, якою він обмовився на допиті від 23 серпня 1930 р.: «В связи с моими личными переживаниями сблизился я с моей двоюродной сестрой Ольгой Андреевной Зайончковской (по мужу Поповой)». Ну та й що з того?

О.А. Зайончковська була донькою видатного російського воєначальника, генерал-лейтенанта А.М. Зайончковського, що в 1918р. змушений був вступити до РСЧА. Під час громадянської війни генерал неодноразово затримувався, у 1920 р. лише дивом уникнув розстрілу як «польський посібник», й у результаті наступного року дав підписку «стукати» на своїх колег. А наступного року дала згоду співпрацювати з органами держбезпеки й О.А. Зайончковська ⁶⁵.

Ольга Андріївна старанно збирала всі плітки, що курсували у військових колах, товаришувала з багатьма колегами батька, адже Зайончковський, видатний вчений свого часу, дуже поважався колишніми генералами та офіцерами. Згодом вся зібрана О.А. Зайончковською інформація потрапляла до ОГПУ. Повідомляла вона й про життя та «особисті переживання» свого двоюрідного брата М.Є. Какуріна. Лише так можна пояснити питання до Какуріна на допитах від 23 серпня про Чемберлена, американських журналістів та зв'язки з циганкою Меліховою-Морозовою.

До речі, у військових колах мандрували чутки, що приводом до арешту Какуріна стали стосунки з Меліховою-Морозовою, яка начебто мала зв'язки з іноземними розвідками. За твердженнями заарештованого у лютому 1931 р. Костянтина Бєсядовського, колеги Какуріна, ці чутки розповсюджувала ображена на зраду Миколи Євгеновича його дружина ⁶⁶. Безперечно, з'ясувати родинні стосунки Какуріна не є нашою справою, але, дуже вірогідно, що ці чутки розповсюджувала не стільки його дружина, скільки та ж таки Зайончковська.

Тим часом арешти колишніх білих — викладачів Військової академії продовжувалися. 30 вересня 1930 р. були заарештовані обдаровані генштабісти В.М. Соколов та О.Х. Базаревський з дружиною. До речі, приводом до арешту останнього слугувала майже така сама історія, що трапилася й з Какуріним, але навпаки: з «представниками іноземних розвідок» начебто зраджувала дружина Базаревського.

Справи з колишніми білогвардійцями вирішувалися досить швидко. Вже 3 квітня 1931 р. до розстрілу було засуджено 31 «керівника контрреволюційної організації» переважно з кола реємігрантів, що не служили в РСЧА. Того ж дня вищу міру покарання отримали й колеги Миколи Євгеновича О.А. Буров, С.М. Колегов та В.М. Соколов.

За що ж їх покарали? На жаль, подробиці їх справи нам невідомі. Але зрозуміло, що з цих осіб вибивали свідчення на різних відомих радянських

військових. Так, О.А. Буров на допитах «зівзнався», що готувалася змова проти існуючого ладу, на чолі якої начебто стояв перший червоний главком, брат відомого більшовицького діяча, колишній генерал М.Д. Бонч-Бруєвич. Не знав Буров, коли це казав, що Михайло Дмитрович сам є добровільним сексотом, а один з його синів – оперуповноваженим ОГПУ⁶⁷.

Взагалі ж з заарештованих військових фахівців вибивалися свідчення на різних відомих радянських воєначальників. Мені, наприклад, траплялися у справах 1930-1931 років «свідчення» на С.С. Каменєва та Б.М. Шапошнікова.

А що ж сталося з рештою заарештованих? О.Х. Базаревський за щасливим збігом обставин не був розстріляний – його залишили так би мовити на розпал вогнища справи «Весна» – репресій тепер вже серед військових фахівців, що від початку громадянської війни служили в РСЧА.

У грудні 1930 – січні 1931 рр. у Москві, Ленінграді, Києві та Харкові було заарештовано сотні старих кадрових військових, що служили на відповідальних посадах в РСЧА. Це й була так звана справа «Весна» (назва така тому, що «змовники» навесні 1931 р. очікували на інтервенцію Антанти, завдяки якій начебто збиралися підняти повстання).

Точну цифру заарештованих та засуджених назвати важко. Але зазначимо, що в Державному архіві СБУ зберігаються справи на 3496 осіб — переважно колишніх генералів і офіцерів, заарештованих в Україні та Москві. Серед них є кілька десятків справ на військових фахівців, заарештованих у Ленінграді. Проте, згідно зі списками, там було засуджено близько 700 колишніх офіцерів. Крім того, за справою «Весна» масові репресії прокотилися на Кавказі та в Сибіру, але кількість заарештованих там нам невідома. Можна зробити припущення, що всього протягом 1930-1931 рр. було заарештовано та згодом засуджено близько 7 тисяч колишніх генералів й офіцерів, а частину з них – розстріляно.

Одних генштабістів старої армії заарештували, за дуже неповними підрахунками, близько 100 осіб. Найбільшого вдару було завдано Військовим академіям Москви та Ленінграда. «Керівниками» контрреволюційних офіцерських організацій там ставали найбільші військові вчені – наукові супротивники молодих генштабістів: Свечин, Верховський, Лігнау, Харламов (Москва), Морозов, О.Сапожников, Тарасов, Енден (Ленінград).

Зазначимо, що М. Тухачевський в той час був командуючим Ленінградським військовим округом і деякі його сучасники вважали, що саме він був одним з ініціаторів погрому військових фахівців та залишків колишніх офіцерів. Один з викладачів Військово-політичної академії ім. Толмачова, що проходив свідком за справою «Весна», наприклад, заявив: «Я считаю, что Морозовым была создана идеологическая группа... Все теоретические споры со школой Тухачевского эта группа из царских генералов вела организованно, ни в чем не противореча друг другу... Больше того, царские

генералы видели со стороны советских молодых преподавателей свою замену и были заинтересованы материально, чтобы это случилось как можно позже...»⁶⁸.

Але ми відхилилися від особи Миколи Євгеновича Какуріна та його кримінальної справи. Власне, обвинувачення Какуріна у шпигунстві досить швидко розсипалося вже під час допиту 23 серпня 1930 р. На жаль, це останній протокол допиту, що міститься в його архівній кримінальній справі. Скоріше за все наступні протоколи допитів були розсмикані по інших слідчих та агентурних справах. Адже 26 серпня 1930 р. Какурін начебто дав свідчення про змовницьку діяльність М. Тухачевського. Ніякого логічного пояснення цьому факту дати не можна, поки відсутні його документальні підтвердження, які, в свою чергу, містяться в не знайдених досі останніх протоколах допитів Какуріна.

Залишається констатувати, що свідчення Какуріна проти Тухачевського присутні хіба що у датованій 26 червня 1964 р. довідці з перевірки свідчень, інкримінованих у 1937 р. Тухачевському та його товаришам. Як видно з довідки, ніхто з її авторів вже надто особливо у справу не заглиблювався. А в результаті – довідка складена досить недбало та дуже непереконливо. Але в ній наводяться копії зі свідчень М.Є. Какуріна від 26 серпня та 5 жовтня 1930 р., які в справі, що зберігається в Києві, відсутні: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки. В Ленинграде собирались у Тухачевского. Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский, участники: я, Колесинский, Эстрейхер-Егоров, Гай, Никонов, Чусов, Ветлин, Кауфельдт. В момент и после XVI съезда было уточнено решение сидеть и выжидать, организуясь в кадрах в течение времени наивысшего напряжения борьбы между правыми и ЦК. Но тогда же Тухачевский выдвинул вопрос о политической акции, как цели развязывания правого уклona и перехода на новую высшую ступень, каковая мыслилась как военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон. В дни 7-8 июля у Тухачевского последовали встречи и беседы вышеупомянутых лиц и сделаны были последние решающие установки, то есть ждaть, организуясь...».

«Далее Михаил Николаевич говорил, что наоборот, можно рассчитывать на дальнейшее обострение внутрипартийной борьбы. Я не исключаю возможности, сказал он, в качестве одной из перспектив, что в пылу и ожесточении этой борьбы страсти и политические и личные разгораются настолько, что будут забыты и перейдены все рамки и границы. Возможна и такая перспектива, что рука фанатика для развязывания правого уклona не остановится и перед покушением на жизнь самого тов. Сталина... у Мих. Ник. Возможно, есть какие-то связи с Углановыми возможно с целым рядом других партийных или околопартийных лиц, которые рассматривают Тухачевского, как возможного военного вождя на случай борьбы с анархией и агрессией. Сейчас, когда я имел время глубоко продумать все

случившеся, я не исключу и того, что, говоря в качестве прогноза о фанатике, стреляющем в Сталина, Тухачевский просто вуалировал ту перспективу, над которой он сам размышлял в действительности»⁶⁹.

Подібні ж свідчення, за словами авторів вищезгаданої довідки, дав і товариш М.Є. Какуріна О.І. Троїцький, правда, у матеріалі вони чомусь не наводяться. Сталін, Орджонікідзе та Ворошилов начебто провели власне розслідування та зробили очну ставку Какуріну та Троїцькому з Тухачевським, на якій затримані підтвердили свої звинувачення. Але, за твердженням авторів довідки, тоді, в 1930 р., Тухачевського залишили в спокою⁷⁰.

Загалом багато наведених у довідці тверджень «не клеїться» з реальним станом речей. Наприклад, не зрозуміло, до чого тут був О.І. Троїцький, який, як видно з протоколів допитів Какуріна, участі у вечірках не брав. По-друге, як видно з усієї цієї історії, крім Миколи Євгеновича не було заарештовано та допитано решту учасників «контрреволюційних зборів». Й, у першу чергу, ніде немає слідів свідчень Меліхової-Морозової, яка, за логікою речей, мала б бути одразу заарештована. Те ж можна сказати й про свідчення решти «змовників», перелічених Какуріним. З них, до речі, докладно нам відома доля хіба що Гая та Ветліна, розстріляних в 1937 р., й Ф.П. Кауфельдта, репресованого в 1942 р. Так само знаємо ми й про долю Троїцького, який дав згоду співпрацювати з ОГПУ та був засуджений до розстрілу лише в 1939 р.

Отже, справа Миколи Євгеновича й досі залишається темною плямою в історії репресій в СРСР. В ОГПУ довго не були у змозі вирішити що ж з Какуріним робити далі? Й він кілька місяців перебував у в'язниці без пред'явлення обвинувачення. Нарешті, справу Какуріна вирішили приєднати до загальної справи військових фахівців «Весна».

Правда, для того, щоб засудити М.Є. Какуріна за «Весною», у слідчих не вистачало відповідних свідчень на нього. З майже сорока переглянутих автором справ значних військових фахівців, заарештованих у Москві та пов'язаних з Військовою Академією РСЧА, лише в трьох є побіжні згадки про Какуріна: в Харламова, Бєсядовського та Шильдбаха-Літовцева. Проте жодний з них не назвав Миколу Євгеновича учасником «контрреволюційної офіцерської організації».

Приналежність Какуріна до змови була відверто притягнута «за вуха». «Керівник» київської підпільної офіцерської організації колишній командуючий Східним фронтом РСЧА, переможець Колчака, генерал Ольдерогге на допиті від 25 грудня 1930 р. «зізнався», що Какурін є одним з керівників контрреволюційної змови. Про це Ольдерогге стало начебто відомо зі слів колишнього помічника начальника школи імені Каменєва В.Ф. Ржечицького та військового керівника одного з київських вузів Чижуну⁷¹. Останній заявив, що знає про участь у змові Какуріна також від Ржечицького. У свою чергу В.Ф. Ржечицький зазначив, що про це йому сказав колишній викладач

Військової Академії І.Ф. Ораєвський. Але той на допитах Какуріна взагалі не згадував. Так коло замкнулося... І все ж, не зважаючи на це, 19 лютого 1932 р. Миколу Євгеновича Какуріна було засуджено до розстрілу з заміною на 10 років позбавлення волі.

У 1932-1933 рр. частину не розстріляних найбільших військових фахівців було звільнено з ув'язнення. Деякі з них такі, як Свечин та Верховський навіть повернулися на викладацьку роботу та до 1938 р. працювали в Академії Генерального штабу. Хто був благодійником, який подарував свободу військовим фахівцям, точно сказати важко. Колишній комкор Тодорський згодом цю заслугу приписував собі. Багатьом ув'язненим викладачам Військової Академії РСЧА не злякався написати листи-запоруки тільки колишній червоний главком Іоаким Іоакимович Вацетіс – людина, яка ніколи не була з ними навіть у дружніх стосунках. Багато хто з засуджених звертався і до Тухачевського, але, як нам відомо, останній проігнорував такі звернення.

Було звільнено багатьох колег Какуріна, а він продовжував сидіти в Ярославському ізоляторі. У 1933 р. йому хіба що дозволили листуватися з родиною. Опубліковані О.П. Ненароковим у 2-му томі монографії Какуріна вибіркові листи до дружини та доньки сповнені теплоти та любові. Але, за чутками, у розпорядженні Ненарокова був ще один цікавий лист, який він зі зрозумілих міркувань не надрукував. Дружина запитала Какуріна, чи не варто їй звернутися по допомогу до Тухачевського, на що з в'язниці отримала дуже лаконічну відповідь: на думку Миколи Євгеновича, саме його колишній друг та патрон був винуватцем погрому офіцерства.

Микола Какурін так більше і не побачив волі. Він помер у в'язниці 27 липня 1936 р. (у статті О.П. Ненанорокова зазначена інша дата смерті – 29 липня, цю ж дату подає й О.Ф. Сувеніров; ми ж спираємося на заключний акт архівної кримінальної справи Какуріна). А майже через рік після цього, 12 червня 1937 р., за звинуваченням у підготовці перевороту було розстріляно кістяк молодих воєначальників на чолі з Тухачевським.

Примітки

¹ Див.: Шапошников Б. Воспоминания и размышления. — М., 1974. — С. 167.

² Підраховано за: Список Генерального штабу. — СПб., 1912. — С. 632-648; Список лиц с высшим военным образованием, состоящих на службе в РККА, по состоянию на 1-ое марта 1923 года. — М., 1923; власні дослідження автора.

³ Керсновский А.А. История русской армии. — М., 1994. — Т. 4. — С. 202.

⁴ Див.: Список лиц с высшим военным образованием... — С. 97.

⁵ Див.: Литвин М. Українсько-польська війна. — Львів, 1998. — С. 359.

⁶ **Лазарев** — доктор, князь, член Конституційно-демократичної партії. В 1917 р. був керівником комітету 4-го Кавказького корпусу на Персидському фронті. Ассирійський національний діяч, згодом брав участь у боротьбі за незалежність проти персів та курдів.

⁷ **Драгоміров Абрам Михайлович** (1868-1955) – видатний російський воєначальник, генерал від кавалерії, киянин. У 1893 р. закінчив Миколаївську військову академію

Генерального штабу. Під час Першої світової командував збірним кінним та 9-м армійським корпусами 5-ю армією та Північним фронтом. Взимку 1918 р. повернувся до Києва, звідки незабаром виїхав до білогвардійської Добровольчої армії. Був головою Особливої наради при Головнокомандуючому, командував військами Київської області, згодом перебував у розпорядженні генерала П.Врангеля. Помер в еміграції.

⁸ **Чудновський Григорій Ісакович** (1890-1918) – відомий радянський діяч. До 1917 р. – меншовик, згодом перейшов до більшовиків. У 1917 р. працював у Військовій організації РСДРП(б), під час Жовтневого перевороту – член Петроградського ВРК, один з керівників взяття Зимового палацу. З листопада 1917 р. — комісар Південно-Західного фронту, був заарештований військами Української Центральної Ради. У лютому 1918 р. звільнений радянськими частинами, працював київським комісаром з цивільного управління. Загинув у бою у квітні 1918 р.

⁹ **Муравйов Михайло Артемович** (1880-1918) — підполковник російської армії, радянський воєначальник. Закінчив Казанське юнкерське училище. Служив у 11-му гренадерському Фанагорійському та 1-му піхотному Невському полках. Брав участь у російсько-японській та Першій світовій війнах. У 1917 р. викладав у 2-й Одеській школі прапорщиків, заопікувався формуванням ударних частин, незабаром вступив до партії лівих есерів. У грудні 1917 — квітні 1918 рр. обіймав посаду начальника штабу радянських військ на чолі з В.Антоновим-Овсієнком, керував боротьбою з військами Української Центральної Ради. З кінця весни 1918 р. — командуючий Східним фронтом, де у липні, після невдалого повстання лівих есерів проти більшовиків у Москві, намагався захопити владу. Вбитий у Сибіру в перестрілці під час спроби його арешту.

¹⁰ **Сливинський Олександр** (1883-1953) — підполковник російської армії. Закінчив Миколаївське кавалерійське училище, Миколаївську військову академію Генерального штабу (1914). Брав участь у Першій світовій війні, весь час служив під командуванням генерала графа Келлера, у 1916-1917 рр. — начальник штабу 3-го кінного корпусу. У 1917 р. брав участь у Всеукраїнських військових з'їздах, з осені працював в Українському Генеральному Військовому Комітеті. З кінця 1917 р. — 2-й генерал-квартирмейстер українського Генерального штабу. Навесні 1918 р. очолив Генеральний штаб, на цій посаді залишався і за часів гетьманату. Автор проекту збереження в українській армії російських кадрових частин. Під час Протигетьманського повстання закликав усіх офіцерів стати під триколовий прапор для відсічі Директорії та більшовикам. Був усунений з армії П.Скоропадським. З 1919 р. на еміграції у Німеччині та Канаді, де займався громадською діяльністю.

¹¹ **Рум'янцев Олександр** — підполковник російської армії. В 1914 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. В 1918 р. служив в українській армії, був начальником мобілізаційного управління Генерального штабу. Згодом служив у білогвардійській Добровольчій армії, білоемігрант.

¹² **Прохорович Антон Іванович** (1878-?) – генерал-майор російської армії. У 1907 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. За часів Першої світової війни командував полком та був начальником штабу дивізії. Навесні 1918 р. вступив до української армії, обіймав посаду 2-го генерал-квартирмейстера Генерального штабу. З листопада 1918 р. заступник військового міністра. У 1919 р. вступив до білогвардійської Добровольчої армії, але значних посад не обіймав. Помер в еміграції.

¹³ **Кістяківський Ігор Олександрович** (1876-1940) — російський та український громадсько-політичний діяч. Походив з відомої української родини, однак, на відміну від батька та братів, стояв на проросійських позиціях. Закінчив юридичний факультет Київського університету, викладав у Київському та Московському університетах. За часів гетьманування П.Скоропадського був державним секретарем та міністром внутрішніх

справ. Виступив як один з ініціаторів федерації України з Росією. Згодом — білогвардійський політичний діяч та білоемігрант. Автор чисельних наукових праць.

¹⁴ **Краснов Петро Миколайович** (1869-1947) — генерал від кавалерії, Донський козацький отаман, письменник. Під час Першої світової війни командував бригадою та 2-ю збірною козакою дивізією. У 1917 р. очолив 3-й кінний корпус, з яким під час Жовтневого перевороту намагався вибити більшовиків з Петрограду. Був заарештований, втік на Дон, де 3 травня 1918 р. був обраний Донським отаманом. Очолив протибільшовицьке козацьке повстання на Дону. 6 лютого 1919 р. був усунений від влади та виїхав під Петроград до Північно-Західної добровольчої армії. В еміграції мешкав у Франції, під час Другої світової війни приїздив на окупований німцями Дон задля протирадянської агітації. З вересня 1943 р. — начальник Головного управління козацьких військ Німеччини. У 1945 р. у Лієнці разом із 15 тисячами козаків був виданий союзниками радянському командуванню. Повішений у Москві.

¹⁵ **Келлер Федір Артурович** (1857-1918) — граф, генерал від кавалерії російської армії. Однорічником брав участь у російсько-турецькій війні 1877-1878 рр., був нагороджений двома солдатськими Георгіївськими хрестами. Під час Першої світової війни командував 10-ю кавалерійською дивізією та 3-м кінним корпусом, був нагороджений офіцерськими Георгіївськими відзнаками 4-го та 3-го ступеня. У 1917 р. заявив про свою прихильність Миколі II та був звільнений з армії. У 1917-1918 рр. мешкав у Харкові. За фінансової підтримки уряду П.Скоропадського взявся за формування Північної білогвардійської армії, що мусила діяти у Прибалтиці. У листопаді 1918 р. за наказом гетьмана П.Скоропадського очолив «усі збройні сили, що діють на території України». Незабаром знятий гетьманом з цієї посади. Був узятий до полону українськими військами та підступно вбитий 21 грудня на Софійському майдані в Києві.

¹⁶ **Кирпичов Лев Миколайович** (1878-1928) — генерал-майор російської армії. Ще до війни служив в імператорській гвардії, звідки знав П.Скоропадського та О.Долгорукова. Під час Першої світової війни командував батареєю та дивізіоном Лейб-гвардії кінної артилерійської бригади. В 1918 р. опинився в Україні. Восени 1918 р. очолив Київську офіцерську добровольчу дружину, яка воювала з частинами Директорії. Напередодні зайняття Києва військами УНР втік з міста. Згодом служив у білогвардійській Добровольчій армії, але значних посад не обіймав. Помер в еміграції.

¹⁷ **Шуберський Олександр Миколайович** (1875-1963) — генерал-майор російської армії. У 1904 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. Брав участь у російсько-японській війні. Під час Першої світової війни — начальником штабу Гвардійської стрілецької бригади та 21-ї піхотної дивізії. У 1918 р. служив в армії гетьмана П.Скоропадського, у листопаді обіймав посаду військового міністра. З весни 1919 р. перебував у білогвардійській Добровольчій армії, був начальником штабу 2-го Кубанського корпусу та генерал-квартирмейстера Київської групи. Помер в еміграції.

¹⁸ **Долгоруков** (у М.Какуріна — Долгорукий) **Олександр Миколайович** (1873-1948) — генерал-лейтенант російської армії, близький товариш П.Скоропадського по навчанню в Пажеському корпусі та службі в імператорській гвардії. Під час Першої світової війни командував Кавалергардським полком, бригадою, дивізією. У 1918 р. опинився в Україні, займався політичними справами проросійського характеру. У листопаді того ж року призначений замість графа Ф.Келлера головнокомандуючим усіма військами на теренах України проти повстанців Директорії. Напередодні вступу до Києва військ УНР разом із німцями втік з міста. Помер в еміграції.

¹⁹ **Мазуренко Семен** (1879-?) — український політичний діяч. З 1905 р. брав участь у революційному русі, був організатором Всеросійського Селянського Союзу. З 1906 р. перебував на засланні, повернувся в Україну лише у 1917 р. Був активним діячем УСДРП. На початку 1919 р. на прохання Директорії очолив Надзвичайну дипломатичну

місію УНР, яка у Москві мусила домогтися мирного вирішення радянсько-українського військового конфлікту. У 1920 р. повернувся до Радянської України, де у 1925 р. був заарештований. Подальша доля невідома.

²⁰ **Шаповал Олександр Андрійович** — поручик російської армії, полковник УНР. За часів Першої світової війни закінчив школу прапорщиків, брав участь у боях, був нагороджений відзнакою Святого Георгія 4-го ступеня. З 1917 р. — в армії УНР. Був інтендантом 1-ї Сердюцької дивізії, у 1918 р. очолював 1-й Український полк імені Б.Хмельницького. Брав участь у Протигетьманському повстанні. У грудні 1918 — лютому 1919 рр. очолював Холмсько-Галицький фронт, де його помічником був М.Какурін, у лютому-березні 1919 р. — військовий міністр УНР. Згодом виконував обов'язки начальника закордонного відділу штабу армії УНР. Розчарувався у соціалістичній та демократичній політиці. З 1920 р. на еміграції у США, де був керівником гетьманського руху.

²¹ **Оскілко Володимир** (1892-1926) — український військово-політичний діяч. Колишній народний учитель. Був одним з керівників партії хліборобів-демократів (самостійників). З початком Першої світової війни закінчив Віденське військово училище, воював на фронті, дослужився до чину штабс-капітана. За часів Центральної Ради займався громадською діяльністю, був повітовим комісаром. Брав активну участь у Протигетьманському повстанні, наприкінці 1918 — початку 1919 рр. очолював найпотужнішу в армії УНР Північну групу. Не погоджувався з поглядами Є.Коновальця, О.Волоха та інших, які тяжіли до союзу з більшовиками. Через це 29 квітня 1919 р. підняв у Рівному повстання проти Директорії, однак зазнав поразки. Мусив втікати до Польщі. У 1921 р. був одним з ініціаторів створення Всеукраїнської Національної Ради у Відні. У 1922 р. повернувся на окуповану поляками Волинь. Видавав пропольську газету «Дзвін». Допомогавав багатьом українським військовикам, що перебували на Волині. Вбитий українськими бойовиками за наказом керівництва УВО.

²² **Коновалець Євген** (1891-1938) — видатний український військово-політичний діяч. Народився у селі Зашків на Львівщині в родині вчителя. Навчався у Львівському університеті, брав участь у молодіжному русі, був засуджений австрійським урядом за національно-просвітницьку діяльність. З 1914 р. служив в австро-угорській армії. У 1915 р. у чині прапорщика потрапив до російського полону. У 1917 р. приїхав до Києва, де за участі інших вояків-галичан сформував та очолив Галицько-Буковинський курінь Січових Стрільців. У 1918 р. командував 1-м полком Січових Стрільців та Окремим загоном Січових Стрільців, у 1919 р. — Осадним корпусом та корпусом Січових Стрільців (полковник УНР). У 1920 р. виїхав до Відня, де у 1921 р. з колишніх січовиків створив Українську Військову Організацію (УВО), яка у 1929 р. розрослася в Організацію Українських Націоналістів (ОУН). Тоді ж став головою Проводу Українських Націоналістів (ПУН) — вищого керівництва ОУН. Вбитий радянським агентом у Роттердамі.

²³ **Галлер Йозеф** (1873 — після 1955) — генерал польської армії. У 1918-1919 рр. сформував у Франції з польських полонених армію, на чолі якої наприкінці весни 1919 р. прибув до Східної Галичини. Введення в бій армії Галлера зіграло вирішальну роль у відступі Української Галицької Армії (УГА) з Західної України у липні 1919 р.

²⁵ Корицкий Н.И. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский. — М., 1965. — С. 96.

²⁶ **Верховський Олександр Іванович** (1886-1938) — генерал-майор російської армії, військовий міністр Тимчасового уряду, викладач Військової Академії РСЧА, комбриг. У 1911 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. Під час Першої світової війни працював у штабах 9-ї та 7-ї армій, був начальником штабу Окремої Чорноморської дивізії. За часів Тимчасового уряду перебував на посадах спочатку

командуючого військами Московського військового округу, а з 30 серпня 1917 р. — військового міністра. У 1918-1919 рр. тричі заарештовувався ЧК та перебував в ув'язненні. У 1920 р. був членом Особливої Наради при Головнокомандуючому РСЧА. З 1921 р. перебував на викладацькій роботі у Військовій Академії РСЧА. У 1931 р. заарештований за справою «Весна» та засуджений до розстрілу з заміною на 10 років позбавлення волі. Достроково звільнений у 1933 р., повернувся на викладацьку роботу. З 1936 р. працював у Військовій академії Генерального штабу. Репресований, розстріляний.

²⁷ **Шиловський Євген Олександрович** (1888-1952) — капітан російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. У 1917 р. закінчив Військову академію Генерального штабу, служив у штабі 11-ї армії. В РСЧА з 1918 р.: працівник штабу Народного комісара військових справ України, начальник штабу та командуючий 16-ї армії. З 1922 р. — викладач Військової Академії РСЧА, у 1936 р. перейшов до Військової академії Генерального штабу (комбриг). Під час Другої світової війни перебував на викладацькій роботі (генерал-лейтенант).

²⁸ **Єрмолін Павло Іванович** (1884-1938) — підполковник російської армії, викладач Військової Академії РСЧА, комбриг. У 1912 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. Під час Першої світової війни працював у штабі 26-го армійського корпусу, був начальником штабу 192-ї та 111-ї піхотних дивізій. В РСЧА з 1918 р.: начальник штабу 5-ї армії, у розпорядженні командуючого Кавказької армії, начальник штабу Західного фронту. З 1 січня 1922 р. — викладач та начальник кафедри Військової Академії РСЧА. Репресований, помер у в'язниці.

²⁹ **Шварц Микола Миколайович** (1882-1944) — полковник російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. У 1911 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. Під час Першої світової війни служив у штабах 4-ї армії та Західного фронту, був начальником штабу 44-ї піхотної дивізії. В РСЧА з 1918 р.: начальник відділення розвідки Всеросійського Головного штабу, начальник оперативного управління Східного та Південно-Західного фронтів, помічник начальника штабу Кавказького фронту. З 25 лютого 1920 р. — начальник штабу Західного фронту, яким тривалий час командував М.Тухачевський. З 1921 р. викладав у Військовій академії РСЧА. У 1936 р. перейшов до Військової Академії Генерального Штабу (комбриг). Під час Другої світової війни перебував на викладацькій роботі (генерал-лейтенант).

³⁰ **Троїцький Іван Олександрович** (1883-1939?) — підполковник російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. У 1910 р. разом із М.Какуріним закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу, але за 2-м розрядом. В Червоній Армії з 1918 р.: начальник Рязанських піхотних курсів, помічник начальника ВУЗ України, помічник начальника штабу 3-ї курсантської бригади, начальник штабу Тамбовської групи військ, яку очолював М.Какурін. З 1921 р. — викладач Військової Академії РСЧА. У 1930 р. заарештовувався за справою Какуріна. Погодився співпрацювати з ОГПУ. В 1938 р. був знову заарештований, а 11 травня 1939 р. засуджений до розстрілу. В останньому слові винним себе не визнав.

³¹ **Вацетіс Іоаким Іоакимович** (1873-1938) — полковник російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. У 1909 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу, під час Першої світової війни командував 5-м Латиським стрілецьким полком. В РСЧА з 1918 р.: командир Латиського корпусу, дивізії, командуючий Східним фронтом (11.07-28.09.1918), 15-ю армією (6.01-10.03.1919), Головнокомандуючий усіма збройними силами РСФФР (6.09.1918-8.07.1919, з перервами). Через поразки на Південному фронті у липні 1919 р. був заарештований за обвинуваченням у зрадництві та кілька місяців знаходився під слідством. Звільнений наприкінці 1919 р., скерований на викладацьку роботу до Військової Академії РСЧА,

командних посад більше не обіймав. До 1937 р. викладав у Військовій Академії ім. Фрунзе (командарм 2 рангу). Репресований, розстріляний 28 липня 1937 р.

³² **Свечин Олександр Андрійович** (1878-1938) — генерал-майор російської армії, головний керівник з історії військового мистецтва. Військової Академії РСЧА. Видатний російський військовий теоретик. У 1903 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. Під час Першої світової війни працював у Генеральному штабі та штабі Верховного головнокомандуючого, був начальником штабу 5-ї армії. В РСЧА з 1918 р.: військовий керівник Смоленського району завіси, начальник Всеросійського Головного штабу, голова військово-історичної комісії, викладач Військової Академії РСЧА. У 1931 р. заарештований за справою «Весна», засуджений до 5 років позбавлення волі. Достроково звільнений у 1932 р. З 1936 р. працював у Військовій академії Генерального штабу, комдив. Репресований, розстріляний 29 липня 1938 р.

³³ **Сухов Василь Гаврилович** (1886 – після 1958) — підполковник російської армії, старший керівник з тактики Військової Академії РСЧА. Закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу (1913 р.). Під час Першої світової війни служив у штабах 38-ї піхотної дивізії, 13-го корпусу, 5-ї армії. В Червоній армії з 1918 р.: працівник Всеросійського Головного штабу, начальник організаційного відділу Східного фронту. З 27 лютого 1919 р. — викладач Академії РСЧА. У 1931 р. заарештований за справою «Весна» та засуджений на 10 років позбавлення волі. У 1937-1938 рр. вдруге засуджений. Повернувся з ув'язнення після 1953 р. Мешкав у Москві, генерал-майор у відставці.

³⁴ **Оберюхтін Віктор Іванович** (1887 — після 1937) — підполковник російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. Закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу (1914 р.). З кінця 1916 р. працював в Академії Генерального штабу, з якою влітку 1918 р. перейшов на бік білих. Обіймав різні штабні посади в арміях адмірала О.Колчака. У 1920 р. перейшов до Червоної армії, з 1921 р. — у Військовій Академії РСЧА. У 1937 р. заарештований та засуджений до 25 років виправно-трудових робіт. Подальша його доля автору невідома.

³⁵ **Колегов Степан Миколайович** (1890-1931) — капітан російської армії, керівник практичних занять зі стратегії та тактики Військової Академії РСЧА. Під час Першої світової війни служив у штабах 30-ї, 33-ї та 83-ї піхотних дивізій. У 1918-1920 рр. служив у білих. З 1920 р. — викладач повторних курсів командного складу Петроградського військового округу, згодом — в Академії РСЧА. 14 серпня 1930 р. заарештований за справою колишніх білих, що служили в РСЧА, згодом розстріляний.

³⁶ **Нацвалов Антон Романович** (1883 — після 1931) — полковник російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. Закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу (1912 р.). Під час Першої світової війни працював у штабах 52-ї та 168-ї піхотних дивізій. Після Жовтневого перевороту служив у Грузинській національній армії, у 1920 р. — військовий аташе Грузії в РСФРР. З кінця 1920 р. перебував у розпорядженні Військової Академії РСЧА. Засуджений за справою колишніх білих офіцерів у 1931 році, подальша його доля автору невідома.

³⁷ **Лукірський Сергій Георгійович** (1875-1938) — генерал-майор російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. Відомий російський военачальник. У 1901 р. закінчив Миколаївську військову академію Генерального штабу. Під час Першої світової війни служив у штабах Північно-Західного та Північного фронтів, був генерал-квартирмейстером штабу Північного фронту та помічником начальника штабу Верховного Головнокомандуючого. В Червоній Армії з 1918 р.: помічник військового керівника Вищої Військової Ради, співробітник військово-історичної комісії та Академії РСЧА. У 1931 р. заарештований за справою «Весна», засуджений до 5 років позбавлення волі. В 1932 р. достроково звільнений. До 1938 р. працював редактором «Військової Енциклопедії», комдив. Репресований, розстріляний.

³⁸ **Циффер Річард Станіславович** (1898-1937) — викладач Військової Академії РСЧА. В російській армії не служив. Член РКП(б) з 1919 р. В РСЧА з 2 квітня 1919 р.: командував ротою, був начальником штабу бригади. В 1922 р. закінчив Військову Академію РСЧА. Після відбуття цензу командування батальйоном в Москві перейшов на викладацьку роботу до Академії РСЧА. З 1936 р. — старший керівник Військової академії Генерального штабу, комбриг. Репресований, розстріляний.

³⁹ **Вольпе Абрам Миронович** (1895-1937) — прапорщик російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. Член РСДРП(б) з 1917 р. В РСЧА з 1918 р.: помічник коменданта та комендант Саратовського укріпленого району, начальник штабу бригади, згодом — дивізії. У 1922 р. закінчив Військову Академію РСЧА. Після стажування командиром роти в Північно-Кавказькому військовому окрузі повернувся до академії на викладацьку роботу. З середини 30-х рр. — начальник адміністративно-мобілізаційного управління РСЧА, комдив. Репресований, розстріляний.

⁴⁰ **Ветлін Григорій Олександрович** (1898-1937) — викладач Військової Академії РСЧА. В російській армії не служив. Член РКП(б) з 1918 р. В РСЧА з 1918 р. У 1924 р. закінчив Військову Академію. У 30-х рр. — завідувач кафедри військової географії Військової Академії ім. Фрунзе. Репресований, засуджений до розстрілу 1 січня 1937 р.

⁴¹ **Голубєв Сергій Миколайович** (1883-?) — капітан російської армії, викладач Військової Академії РСЧА. Закінчив Військову академію Генерального штабу (1918 р.). В РСЧА з 1918 р.: начальник штабу Уральської, 13-ї, 33-ї, 4-ї, Чонгарської кавалерійської дивізій, начальник відділів армій. З середини 20-х рр. перейшов на викладацьку роботу до Військової Академії РСЧА, де залишався до початку Другої світової війни. Подальша його доля автору невідома.

⁴² **Галицький Кузьма Микитович** (1897-1973) — аспірант Військової Академії РСЧА, згодом — видатний радянський воєначальник, Герой Радянського Союзу (1945 р.). Член РКП(б) з 1918 р. В РСЧА з 1918 р. командир батальйону, помічник начальника штабу бригади. В 1927 р. закінчив Військову Академію ім. Фрунзе. Після закінчення аспірантури — начальник штабу та командир полку, командуючий дивізією. Брав участь у радянсько-фінській війні 1940 р. У 1941-1945 рр. командував 24-ю дивізією, корпусом, 3-ю ударною та 11-ю гвардійською арміями. Після війни — командуючий військами Прикарпатського, Одеського, Закавказького військових округів, Північної групи військ. Генерал армії.

⁴³ **Гай (Бжишкян) Гая Дмитрович** (1887-1937) — прапорщик російської армії, аспірант Військової Академії РСЧА. Член РКП(б) з 1918 р. В РСЧА з 1918 р. командував дивізіями, корпусом, армією Радянський герой громадянської війни, нагороджений двома орденами Червоного Прапора. Після громадянської війни закінчив Військову Академію ім. Фрунзе. До 1935 р. — начальник кафедри Академії ВПС РСЧА, комкор. Заарештований у липні 1935 р., розстріляний 11 грудня 1937 р.

⁴⁴ **Чайковський Кассіан Олександрович** (1893-1938) — капітан російської армії. В РСЧА з 1918 р. У 1920 р. служив разом із М.Какуріним. У 1922 р. командував 5-ю армією. У 1937 р. — начальник Управління бойової підготовки РСЧА, комкор. Репресований, помер у Читинській в'язниці.

⁴⁵ **Естрейхер-Сгоров Рудольф Анасталійович** (1887-1937) — начальник кафедри військової історії Військово-повітряної академії ім. Жуковського. Заарештований 13 серпня 1937 р., розстріляний 1 листопада 1937 р.

⁴⁶ **Чембровський Володимир Іванович** (1893 — після 1958) — штабс-ротмістр російської армії, груповий лектор Військової Академії РСЧА. В Червоній Армії з 1918 р.: командир полку, бригади, начальник штабу дивізії, начальник оперативного відділу штабу 16-ї армії. В 1921 р. закінчив Військову Академію РСЧА, де й залишився працювати. Репресований у 1938 р.

⁴⁷ **Парм Альфред Карлович** — військовослужбовець Червоної Армії, з серпня по листопад 1920 р. — начальник оперативного відділу штабу 10-ї стрілецької дивізії, якою командував М.Какурін. Розстріляний.

⁴⁸ **Ковшов** — військовослужбовець Червоної Армії, з серпня по листопад 1920 р. працював у штабі 10-ї стрілецької дивізії, якою командував М.Какурін. Розстріляний.

⁴⁹ **Петровський Леонід Григорович** (1897-1941) — прапорщик російської армії, згодом — військовослужбовець Червоної Армії. З 6 серпня по 15 вересня 1920 р. — начальник штабу 8-ї стрілецької дивізії (після М.Какуріна). Член РКП(б) з 1918 р. В РСЧА з 1918 р.: командир полку, начальник штабу бригади. У 1922 р. закінчив Військову Академію РСЧА, служив на командних посадах у Петроградському військовому окрузі. У 1937 р. — заступник командуючого військами Московського військового округу, комкор. У 1937 р. репресований, у 1940 р. звільнений, після чого командував корпусом у Білоруському ВО, генерал-лейтенант. У 1941 р. у прикордонних боях з німецькими військами був смертельно поранений.

⁵⁰ **Дрейцер Юхим Олександрович** (?-1936) — колишній політпрацівник Червоної Армії. Член РКП(б) з 1919 р. У роки громадянської війни — комісар полку, 24-ї стрілецької бригади, 10-ї стрілецької дивізії, якими командував М.Какурін, нагороджений двома орденами Червоного Прапора. З березня 1921 р. — комісар 27-ї стрілецької дивізії. У 1927-1928 рр. за троцькістську фракційну діяльність виключався з ВКП(б), згодом поновлювався у членстві. У 30-ті рр. працював заступником директора заводу «Магнізит» у Челябінській області. У 1936 р. заарештований у справі «Антирадянського об'єднаного троцькістсько-зинов'євського центру». 24 серпня 1936 р. засуджений до розстрілу, наступного дня розстріляний.

⁵¹ **Кангеларі Валентин Олександрович** (1883-1937) — офіцер російської армії, після М.Какуріна командував 10-ю стрілецькою дивізією. Член РКП(б) з 1917 р. Після громадянської війни працював на цивільних посадах, зокрема, заступником народного комісара охорони здоров'я РСФРР (корврач). Репресований, розстріляний.

⁵² **Кауфельдт Федір Петрович** — штабс-капітан російської армії. В 1918 р. закінчив Військову академію Генерального штабу. В РСЧА з 1918 р.: помічник начальника оперативного відділу штабу Західного фронту, командир 24-ї стрілецької бригади, начальник штабу 10-ї стрілецької дивізії, якою командував М.Какурін, згодом — командир цієї дивізії. Наприкінці 20-х — початку 30-х рр. — начальник штабу Ленінградського військового округу, згодом — завідувач кафедри Військової електротехнічної академії. Репресований, засуджений у листопаді 1942 р. до 5 років позбавлення волі. У 60-х роках написав спогади про М.Тухачевського.

⁵³ **Чусов Іван Григорович** (1896-?) — підпоручик російської армії, працівник Центрального управління військових сполучень РСЧА. В Червоній Армії з 2 жовтня 1918 р. Обіймав різні штабні посади. В 1921 р. закінчив Військову Академію РСЧА. Подальша доля невідома.

⁵⁴ **Муклевич Ремуальд Адамович** (1890-1938) — радянський діяч. Член РСДРП(б) з 1906 р. У 1920-1921 рр. — член Революційної військової ради Західного фронту, згодом — начальник морських сил РСЧА, член РВС СРСР, заступник наркома оборонної промисловості. Репресований, розстріляний.

⁵⁵ **Соколов-Страхов Костянтин Іванович** (1896-1937) — підпоручик російської армії, начальник штабу 10-го стрілецького корпусу. Член РСДРП(б) з 1917 р. В РСЧА з 26 червня 1918 р. В 1921 р. закінчив Військову Академію РСЧА. У 1937 р. — заступник начальника військово-історичного відділу Генерального Штабу, комбриг. Репресований, засуджений до розстрілу 22 серпня 1937 р.

⁵⁶ **Ткачов Марко Львович** (1894-1937) — молодший товариш М.Какуріна по службі у Середній Азії. В російській армії не служив. Член РСДРП(б) з 1917 р. В РСЧА з 26 травня

1919 р. У 1921 р. служив у штабі Ферганської групи. У 1922 р. закінчив Військову Академію РСЧА. В 1937 р. – начальник військ протиповітряної оборони Ленінградського військового округу, комбриг. Репресований, розстріляний 1 вересня 1937 р.

⁵⁷ **Зайончковська Ольга Андріївна** (188? – після 1962) — донька видатного воєначальника російської армії А.М.Зайончковського, двоюрідна сестра М.Є.Какуріна. З 1922 р. — один з головних агентів ОГПУ у колах військових. У 1937 р. заарештована за звинуваченням у шпигунстві, деякий час перебувала під слідством, згодом була звільнена і до 1954 р. продовжувала співпрацювати з правоохоронними органами. Мешкала у Москві.

⁵⁸ **Никонов Федір Павлович** (1894-?) — підпоручик російської армії, працівник штабу Московського військового округу. В РСЧА з 17 лютого 1918 р.: начальник штабу Псковської тилової завіси, Пермського оперативного штабу, 3-ї резервної армії, командир полку. У 1922 р. закінчив Військову Академію РСЧА. Після 1931 р. доля невідома.

⁵⁹ **Меліков Володимир Арсентійович** — викладач Військової Академії РСЧА. В російській армії не служив. Член РСДРП(б) з 1917 р. Закінчив Військову Академію РСЧА, де залишився викладати військову історію. У 1929 р. шляхом інтриг змістив М.Какуріна з посади завідувача кафедри військової історії та очолив її. З 1936 р. — завідувач кафедри військової історії Військової академії Генерального штабу, комбриг. Репресований під час Другої світової війни.

⁶⁰ Центральний оперативний архів Федеральної служби безпеки Російської Федерації. – Ф. Р-40164. – Спр. 4-б. – Арк. 250. (Архівна кримінальна справа Снесарева А.Є.). Матеріали надано автору російським істориком О.Ібрагімовим-Капчинським.

⁶¹ ДА СБ України. – Спр. 67093-ФП. – Т. 3178. – Арк. 13. (Архівна кримінальна справа Шильдбаха-Літовцева К.К.).

⁶² Сандалов Л.М. Пережитое. — М., 1961. — С. 12.

⁶³ Див.: Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. — М., 1997. — С. 71.

⁶⁴ Расстрельные списки. Вып.2. Ваганьковское кладбище. — М., 1995.— С. 131-140.

⁶⁵ Военные архивы России. Вып. 1. — М., 1993. — С. 101.

⁶⁶ ДА СБ України. – Спр. 67093-ФП. – Т. 67. – Арк. 67 зв. (Архівна кримінальна справа Бесядовського К.І.).

⁶⁷ Див.: Там само. – Т. 188. – Арк. 7, 65-72.

⁶⁸ Там само. – Т. 240. – Арк. 208. (Архівна кримінальна справа викладачів Військово-політичної академії ім. Толмачова).

⁶⁹ Военные архивы России. Вып.1. — С. 103, 104.

⁷⁰ Там же. – С. 104.

⁷¹ ДА СБ України. – Спр. 67093-ФП. – Т. 35. – Арк. 130. (Архівна кримінальна справа Ольдерогге В.О.).